

ПРОКУРАТУРА СССР
ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ
РАБОТНИКОВ

Л. А. АНДРЕЕВА, Л. А. РОГАЧЕВСКИЙ

62/62/1
444/69

РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ И ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ
ПОВРЕЖДЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ
СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ
(Вопросы квалификации и доказывания)

Учебное пособие

Ленинград
1988

Л. А. АНДРЕЕВА, Л. А. РОГАЧЕВСКИЙ

1444/69
РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ И ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ
ПОВРЕЖДЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТОЯНИИ
СИЛЬНОГО ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ
(Вопросы квалификации и доказывания)

Учебное пособие

Ленинград
1988

Рецензенты:

1. Старший прокурор Следственного управления старший советник юстиции *С. М. Пелецкая*.

2. Старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР кандидат юридических наук *Т. Ю. Орешкина*; старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР кандидат психологических наук *О. Д. Ситковская*.

Андреева Л. А., Рогачевский Л. А. Расследование убийств и тяжких телесных повреждений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения: Учебное пособие. — Л., 1988. 71 с.

В предлагаемом учебном пособии освещаются вопросы квалификации и методики расследования преступлений, предусмотренных ст.ст. 104, 110 УК РСФСР и аналогичными статьями уголовных кодексов других союзных республик.

Материал излагается на основе обобщения опубликованных уголовных дел и ленинградской судебной практики.

В первой главе анализируются не только признаки соответствующих составов преступлений, но и отграничение их от смежных составов преступлений, в частности, убийства без смягчающих обстоятельств, убийства с превышением пределов необходимой обороны и составов при смягчающих обстоятельствах с последствиями в виде тяжких телесных повреждений.

Во второй главе рассматриваются особенности методики расследования таких преступлений. Значительное внимание уделяется методике доказывания аффекта, момента возникновения умысла, противоправности поведения потерпевшего; анализируются следственные и судебные ошибки.

Учебное пособие предназначено для следователей, но может быть использовано прокурорами, судьями и адвокатами.

ОТ АВТОРОВ

Проблема аффекта относится не только к уголовно-правовой науке, она исследуется в общей и специальной психологии, психофизиологии, педагогике, криминологии.

Исследования психологов по вопросам соотношения волевых и эмоциональных элементов в структуре индивидуального сознания помогают уяснить понятие физиологического аффекта, объясняют механизм его возникновения, развития, угасания, показывают связь внешних проявлений деятельности лица с его психическим состоянием. Из числа комплексных работ на эту тему следует отметить монографии Т. Г. Шавгулидзе «Аффект и уголовная ответственность», Тбилиси, 1973, Б. В. Сидорова «Аффект, его уголовно-правовое и криминологическое значение», изд-во Казанского университета, 1978.

В предлагаемом учебном пособии, в главе I, посвященной вопросам квалификации, рассматривается уголовно-правовое значение сильного душевного волнения (физиологического аффекта), признаки составов преступлений, предусматривающих убийство, причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений, совершенных в состоянии аффекта. Материал излагается с учетом вопросов, возникающих в следственной и судебной практике, с использованием опубликованной и Ленинградской судебной практики.

В главе II пособия освещаются процессуальные основы и методика доказывания аффекта.

Данное учебное пособие предназначено для слушателей Института усовершенствования следственных работников и может быть полезным прокурорам, судьям, адвокатам.

Глава I написана Л. А. Андреевой, глава II — Л. А. Рогачевским.

Глава I

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Совершение любого преступления в состоянии сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, рассматривается законом как смягчающее вину обстоятельство. Это предусмотрено в п. 5 ст. 38 УК РСФСР и аналогичных статьях УК других союзных республик. Вместе с тем УК всех союзных республик содержат два самостоятельных состава преступления с таким смягчающим вину обстоятельством, как сильное душевное волнение: это умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения (ст. 104 УК РСФСР) и умышленное тяжкое или менее тяжкое телесные повреждения, причиненные в состоянии сильного душевного волнения (ст. 110 УК РСФСР).

Рассмотрение этих составов мы начнем с раскрытия понятия сильного душевного волнения, физиологического аффекта.

Аффект является психологическим понятием, имеющим свои границы, типические признаки. Это исключительно сильное, быстро возникающее и бурно протекающее кратковременное эмоциональное состояние, существенно ограничивающее целостное восприятие окружающего и правильное понимание субъектом объективного значения вещей¹.

В состоянии аффекта эмоциональное напряжение достигает такой высокой степени, что наступают качественные изменения в организме человека, сужение его сознания.

В состоянии аффекта наступают заметные изменения в двигательной сфере (торможение или перевозбуждение, нару-

¹ См.: Сидоров Б. В. Аффект, его уголовно-правовое и криминологическое значение. — Изд. Казанского университета. — 1978. — С. 24.

шение координации) и в сфере вегетативных реакций (изменение пульса, дыхания, давления крови). Возникают при аффекте и телесные наружные проявления: у человека бледнеет или краснеет лицо, резко сужаются или расширяются зрачки, меняется тембр голоса.

В результате сужения сознания при аффекте внимание человека сосредоточивается на эмоциональных переживаниях, восприятие действительности делается неадекватным, крайне затруднительным становится правильный выбор лучшего в данной ситуации решения. Осознаются человеком лишь те цели, которые находятся в непосредственной связи с побуждениями. Действия характеризуются автоматизмом.

Суженность сознания человека, действующего в состоянии аффекта, ведет к тому, что он не может полностью отдавать себе отчет в совершенных действиях и контролировать их.

Аффективные действия отличаются недостаточной осмысленностью и продуманностью в деталях, отсутствием предварительного плана, хаотичностью движений.

В состоянии аффекта человеку труднее удержать себя от насилия, однако он может управлять аффективными реакциями и их внешними проявлениями. Действия человека в состоянии аффекта свидетельствуют об уменьшении его требовательности к себе и своим поступкам. Состояние физиологического аффекта сохраняет способность осознания оценки собственного поведения и руководства им, аффективные действия сохраняют свою сознательно-волевую основу.

Неправомерные действия потерпевшего выступают в роли катализатора, обнажающего в сознании виновного те качества, привычки, склонности, которые обычно глубоко запрятаны в нем.

Аффект возникает при ослаблении воли, является показателем несдержанности. Прежде всего аффектам подвержены люди, не приучившие себя к контролю над своими чувствами, эмоционально распушенные.

Основная роль в управлении аффектами принадлежит личным нравственным и душевным качествам, а также культуре чувств субъекта, приобретенным в процессе воспитания и индивидуального жизненного опыта.

Итак, у человека, действующего в состоянии аффекта, контроль и руководство своими действиями существенно затруднены, но возможны, и это дает основание для привлечения его к уголовной ответственности. Тот факт, что лицо действовало в состоянии аффекта, по уголовному делу должен быть дока-

зан¹. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, рассматривая по протесту Заместителя Генерального прокурора СССР дело по обвинению Шилова в убийстве его жены, указала, что нахождение Шилова в момент убийства в состоянии аффекта, сильного душевного волнения, вытекает из его показаний. На всех допросах он говорил, что не может вспомнить, как ударил жену, где взял нож, где были дети, кричали ли они. О том, что Шилов был в состоянии аффекта, свидетельствуют и показания работника милиции, которому Шилов сообщил об убийстве жены сразу же после происшествия, прибежав в отделение милиции без обуви, в одних носках, говорил бессвязно, был бледен, дрожал².

Для квалификации содеянного по ст. 104, ст. 110 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, кроме доказанности факта нахождения виновного в состоянии аффекта, необходимо, чтобы сильное душевное волнение возникло внезапно, т. е. сразу же как ответная реакция на перечисленные в законе противоправные действия потерпевшего, разрыв во времени должен быть минимальным.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отклонила кассационную жалобу осужденного Санакина, в которой ставился вопрос о переквалификации совершенного им убийства со ст. 103 на ст. 104 УК РСФСР, по тем основаниям, что Санакин совершил убийство одного из ранее избивших его мужчин, примерно через 40 минут после избивания. За это время он съездил домой, возвратился на берег реки с ружьем и с криком: «Всех перестреляю!» — произвел выстрел в Еполиева, убив его, а затем произвел еще четыре выстрела. Таким образом, Санакин совершил убийство спустя длительное время после ссоры и драки с потерпевшими, что исключает оценку его действий как совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения¹.

Вопрос о том, сколько максимально времени может пройти между противоправными действиями потерпевшего и возникновением аффекта у виновного лица, чтобы сильное душевное волнение оценивалось все-таки как внезапное, решается для конкретной ситуации с учетом индивидуальных осо-

¹ О доказывании аффекта речь пойдет в следующей главе данного учебного пособия.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1982. — № 10. — С. 4—5.

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — № 2. — 1981. — С. 8—9.

Аналогичное дело опубликовано в Бюллетене Верховного Суда СССР. — № 3. — 1969. — С. 37.

бенностей человека. Во всяком случае в этот период не должно быть совершенно каких-либо обдуманных, подготовительных действий. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Стегунова сказано, что Стегунов непосредственно после нападения на него не ответил насильем, а совершил обдуманные, целенаправленные подготовительные действия: забежал домой, рассказал жене, что его избили трое, попросил жену сходить за шубой, оставленной во дворе дома. Затем собрал ружье, зарядил его, вышел из дома, пошел во двор общежития, произвел предупредительный выстрел, а вторым убил Густова. При таких обстоятельствах следует признать, что Стегунов совершил убийство в состоянии простого возбуждения, а не внезапно возникшего сильного душевного волнения¹.

В следственной практике возникают ситуации, когда само противоправное действие потерпевшего отдалено во времени от возникновения аффекта у виновного, но сильное душевное волнение возникло тогда, когда виновный затем встретился с обидчиком.

Возникает вопрос, можно ли в таких случаях считать аффект внезапным в смысле, вложенном законодателем в диспозиции ст. ст. 104, 110 УК РСФСР и аналогичных статей УК других союзных республик.

Представляется, что на такой вопрос следует ответить отрицательно. Согласно закону, сильное душевное волнение должно внезапно возникнуть, быть вызвано теми действиями со стороны потерпевшего, которые перечислены в законе, а не воспоминаниями об этих действиях, которые возникают при встрече с обидчиком. Такой позиции придерживается и судебная практика.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР оставила без удовлетворения кассационную жалобу осужденного Емельянова, в которой ставился вопрос о переквалификации совершенного им убийства со ст. 103 на ст. 104 УК РСФСР, указав, что после того, как Емельянова сообщила своему мужу Емельянову о совершенном над нею насилии, он ушел на работу. Только вечером, когда во дворе своего дома Емельянов увидел трех парней, он забежал домой, взял напильник, попросил жену, чтобы она вышла с ним и посмотрела, нет ли среди них насильника. После того, как

¹ См.: Сб. постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1971—1979.—М.,—1981.—С. 432—434.

Емельянова в Одноживкине узнала насильника, Емельянов нанес ему смертельный удар напильником. Таким образом, между обстоятельствами, вызвавшими у Емельянова сильное душевное волнение, и убийством прошел длительный период времени, т. е. отсутствует признак внезапности, необходимый для применения ст. 104 УК РСФСР.

Вместе с тем Судебная коллегия при определении Емельянову наказания учла в качестве смягчающего вину обстоятельства то, что Емельянов совершил убийство в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевшего¹ Пункт 5 ст. 38 УК РСФСР и аналогичные статьи о смягчающих обстоятельствах УК других союзных республик признак внезапности аффекта не оговаривают в качестве обязательного.

Для применения ст. ст. 104, 110 УК РСФСР сильное душевное волнение виновного лица должно быть вызвано определенными противоправными действиями потерпевшего. Прежде всего закон говорит о насилии потерпевшего. Насилие может быть физическим — посягательство на жизнь, причинение телесных повреждений, побой, истязание, насильственное лишение свободы, связывание, изнасилование. Эти действия должны быть совершены или против самого виновного, или против близких ему лиц.

Представляется, что насилие со стороны потерпевшего может быть и психическим. И тогда оно выражается в угрозе применить физическое насилие к виновному или его близким. Признаком непосредственности, т. е. намерением осуществить физическое насилие сейчас же, по нашему мнению, угроза должна обладать не обязательно, осуществление угрозы может быть направлено и в будущее.

Встречающееся в юридической литературе утверждение, что под понятие психического насилия в рассматриваемых составах подпадает и угроза распространения позорящих сведений, представляется неверным².

Угроза распространения позорящих сведений, как и угроза уничтожением имущества, может рассматриваться как иные противоправные действия, если они повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких.

Поскольку в статьях 104, 110 УК РСФСР и аналогичных статьях УК других союзных республик насилие не подразде-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1975. — № 4. — С. 5.

² Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни. — М., — 1977. — С. 153.

ляется на виды, на наш взгляд, следует считать, что этими свойствами охватывается только физическое насилие или угроза его применения.

Причинение именно тяжкого вреда в результате насилия по смыслу закона не является обязательным условием совершения рассматриваемых преступлений.

Насилие, которое вызвало состояние аффекта, может исходить от нескольких лиц. При этом аффект может последовать после конкретных насильственных действий одного из них. Лицо, совершившее убийство или причинившее телесные повреждения одному из участников такой группы, должно отвечать по ст. ст. 104, 110 УК РСФСР, если оно воспринимало их действия как совместные.

Насилие со стороны потерпевшего должно быть противозаконным. Если насилие потерпевшим применено на законном основании (например, при определенных обстоятельствах сотрудником милиции, при необходимой обороне, крайней необходимости), то ответные действия определенного лица не могут быть квалифицированы по ст. ст. 104, 110 УК РСФСР, даже если установлено, что оно находилось в состоянии сильного душевного волнения. Не может аффект в таких случаях рассматриваться и как смягчающее вину обстоятельство, т. е. учитываться при определении наказания.

Если насилие со стороны потерпевшего было применено в процессе обоюдной драки, зачинщиком которой был виновный или оба участника, то такое насилие не может рассматриваться как признак статей 104, 110 УК РСФСР.

Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР оставила без удовлетворения протест заместителя прокурора РСФСР по делу Ч., в котором ставился вопрос о переквалификации совершенного Ч. убийства со ст. 103 на ст. 104 УК РСФСР, поскольку Ч. сам явился зачинщиком ссоры с потерпевшим, во время которой убил его¹.

Гордиенко и Алиев совместно распивали спиртные напитки. На почве опьянения между ними возникла ссора и затем драка, во время которой Алиев схватил бутылку и ударил ею по голове Гордиенко, а последний, поднявшись, схватил с суп-дука нож и нанес им удар в грудь Алиеву. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР не согласилась с квалификацией совершенного Алиевым убийства по ст. 104 УК РСФСР, указав, что причиной возникновения дра-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1976.—№ 11.—С. 3—4.

ки в данном случае явилось не насилие со стороны потерпевшего, а конфликтная ситуация, созданная обоими¹.

Сильное душевное волнение может быть вызвано тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

В следственной и судебной практике возникает иногда вопрос, должно ли оскорбление со стороны потерпевшего в рассматриваемых составах обладать всеми признаками, установленными законом для оскорбления, предусмотренного в качестве самостоятельного преступления (ст. 131 УК РСФСР и аналогичные составы УК других союзных республик). В юридической литературе встречается точка зрения, что тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего, предусмотренное ст. ст. 104, 110 УК РСФСР, должно содержать все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 131 УК РСФСР².

Вместе с тем, многие авторы считают, что в рассматриваемых составах оскорблением могут быть любые деяния, которые находятся в противоречии с социалистической моралью и способны вызвать глубокое унижение человеческого достоинства³.

Решение этого вопроса имеет принципиальное значение, так как согласно ст. 131 УК РСФСР под оскорблением понимается умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме. Таким образом, если признать, что наличие всех признаков состава оскорбления в поведении потерпевшего для применения статей 104, 110 УК РСФСР обязательно, то все эти признаки надо по делу устанавливать.

Судебная практика показывает, что ст. ст. 104, 110 УК РСФСР применяются и в таких случаях, когда в оскорбительном деянии потерпевшего отдельные признаки состава оскорбления отсутствуют, в частности, оскорбление не выражено в неприличной форме и в определенных ситуациях не усматривается умысла со стороны потерпевшего на унижение чести и достоинства виновного лица.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что тяжким оскорблением со стороны потерпевшего признается надругательство над чувствами патриотизма, национальной

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1967. — № 9. — С. 6.

² См.: Кузнецов В. Квалификация преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения // Советская юстиция. — 1967. — № 7. — С. 22.

³ См.: Сидоров В. В. Аффект, его уголовно-правовое и криминалистическое значение. — 1978. — С. 65.

гордости, циничные оскорбления женщины, насмешки над физическими недостатками и т. д.

Отдельно следует выделить супружескую измену потерпевшего в качестве основания возникновения у другого супруга состояния аффекта.

В таких ситуациях, как правило, у потерпевшего отсутствует умысел на унижение чести и достоинства другого супруга и, тем не менее, судебная практика квалифицирует убийство или причинение телесных повреждений лицом, у которого аффект возник в тот момент, когда он стал очевидцем интимных отношений супруга с другим человеком, по ст. ст. 104 или 110 УК РСФСР.

Войцехович стал подозревать жену в супружеской неверности. В действительности С. Войцехович познакомилась с Георгиевым и тайно от мужа с ним встречалась. 7 марта Войцехович раньше времени возвратился с работы и у себя дома застал компанию, в которую входил и Георгиев. Вечером гости разошлись. Войцехович лег спать в комнату детей, а жена его осталась мыть посуду. Ночью Войцехович проснулся от жажды. Когда он пошел на кухню, то увидел, что в соседней комнате жена его лежит на диване с Георгиевым. Войцехович в состоянии аффекта побежал на кухню, схватил топор и нанес несколько ударов обухом по голове жене и Георгиеву. Жена сразу же скончалась, а Георгиеву были причинены тяжкие телесные повреждения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала правильной квалификацию содеянного Войцеховичем как убийства и покушения на убийство в состоянии сильного душевного волнения¹.

Как уже указывалось, неприличная форма в качестве необходимого признака оскорбления со стороны потерпевшего судебной практикой также не признается обязательной. Практике известны случаи, когда, например, несправедливое обвинение в совершении тяжкого преступления, выраженное вовсе не в неприличной форме, но унижающее честь и достоинство человека, вызывало посягательство на жизнь в состоянии сильного душевного волнения².

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР.—1969.—№ 5.—С. 28.
См. аналогичное дело в Бюллетене Верховного Суда РСФСР.—1970.—№ 9.—С. 8.

² УК ряда союзных республик в отличие от УК РСФСР не оговаривают неприличную форму в качестве обязательного признака состава оскорбления.

Оскорбление со стороны потерпевшего как признак составов, предусмотренных ст. ст. 104, 110, УК РСФСР и аналогичными статьями УК других союзных республик, должно быть тяжким, т. е. глубоко унижающим честь и достоинство человека и именно так воспринимаемым виновным субъектом. Незначительное оскорбление со стороны потерпевшего может служить основанием для применения ст. ст. 104, 110 УК РСФСР.

Так, Судебная коллегия Верховного Суда СССР не признала тяжким оскорблением действия отца, который в процессе ссоры выбросил приготовленный сыном завтрак, после чего сын ударил его металлическим шлямбуром¹.

Степень тяжести оскорбления — это оценочная категория, при определении этой степени не может не учитываться и повышенная индивидуальная восприимчивость виновного лица, обусловленная его особенностями: состоянием беременности, физическими недостатками, национальными особенностями.

Следует иметь в виду и ситуации, когда оскорбление как заключительный момент житейской драмы было незначительным, но ему длительное время предшествовало аналогичное поведение потерпевшего и, таким образом, незначительное оскорбление сыграло роль «последней капли», вызвавшей состояние аффекта.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР переквалифицировала совершенное Сулеймановым покушение на убийство со статьи, предусматривающей убийство без смягчающих обстоятельств, на статью об убийстве в состоянии сильного душевного волнения, указав, что потерпевший Ибрагимов долгое время издевался над семьей Сулеймановых. В день происшествия на справедливое замечание Сулейманова о том, что на столе готовят пищу, а поэтому нельзя ступать на него ногами, Ибрагимов в нецензурной форме оскорбил Сулейманова и его жену. С учетом предшествующего поведения Ибрагимова, этих оскорблений было достаточно, чтобы вызвать у Сулейманова состояние сильного душевного волнения, в котором он совершил покушение на убийство².

Ст. ст. 104, 110 УК РСФСР предусматривают также, что внезапное сильное душевное волнение может быть вызвано иными противозаконными действиями, если они повлекли или

¹ Бюллетень Верховного Суда. — 1970. — № 5. — С. 40—42.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1967. — № 6. — С. 38.

могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких¹.

Иные противозаконные действия потерпевшего не обязательно должны быть преступными. Формулировка диспозиций ст. ст. 104, 110 УК РСФСР допускает, что потерпевший может совершить действия, не подпадающие под признаки какого-либо состава преступления, а нарушающие иные законы, регулирующие административные, семейные, трудовые, гражданские правоотношения. Вместе с тем, как показывает анализ судебной практики, в действительности это бывают такие противозаконные действия потерпевшего, которые содержат признаки какого-либо состава преступления, так как в рассматриваемых статьях оговорено, что противозаконные действия потерпевшего повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких, а при таких последствиях, как правило, налицо состав преступления. В судебной практике к иным противозаконным действиям относят: уничтожение или повреждение имущества с существенным ущербом, в том числе путем поджога, кражи, самоуправства. Тяжесть последствий — оценочная категория, которая в каждом случае обосновывается. В случае ненаступления последствий должна быть установлена реальная опасность их наступления. Противозаконные действия со стороны потерпевшего могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности.

Из судебной практики известен случай, когда шофера автобуса, допустившего по неосторожности аварию, в результате которой погиб ребенок, родственники пострадавшего, находясь в состоянии сильного душевного волнения, вызванного случившимся, избили, причинив менее тяжкие телесные повреждения. Содеянное родственниками подпадает под признаки ст. 110 УК РСФСР.

В юридической литературе по-разному оцениваются случаи, когда сильное душевное волнение возникло у виновного вследствие таких действий потерпевшего, которые воспринимаются виновным как противозаконные и объективные основания для этого есть, но в действительности действия потерпевшего таковыми не были. Например, допустим, что в приведенной выше ситуации шофер не виновен в аварии, однако близкие пострадавшего воспринимают его действия как

¹ Такого признака не содержат аналогичные статьи уголовных кодексов Украинской, Узбекской, Казахской, Азербайджанской, Литовской, Латвийской, Киргизской, Грузинской союзных республик.

противозаконные и, будучи в состоянии аффекта, убивают его или причиняют телесные повреждения.

Представляется, что квалифицировать такое преступление все равно следует по ст. ст. 104, 110 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, если виновное лицо не могло убедиться в своей ошибке. Если же по обстоятельствам происшествия следует сделать вывод, что виновный мог убедиться в правомерности действий потерпевшего, то значит аффект возник не в связи с противозаконными действиями потерпевшего, а лишь под влиянием тяжких последствий от содеянного потерпевшим, и квалификация по ст. ст. 104, 110 УК РСФСР неприменима.

Точно так же, на наш взгляд, должен решаться вопрос о квалификации и при ошибке с потерпевшим.

Г. обвинялся в том, что, будучи сильно взволнован сообщением жены о совершенном на нее нападении и попытке изнасилования неизвестным мужчиной, схватил нож и побежал к месту происшествия, где совершил убийство случайно там оказавшегося Ч., приняв его за насильника. Случившееся произошло ночью в пустынном месте, кроме Ч. вблизи никого не было. Несколько лет тому назад на этом же пустыре было совершено нападение на жену Г. и его соседку.

Президиум Верховного Суда РСФСР пришел к выводу, что Г. совершил убийство в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием над близким ему человеком, добросовестно заблуждаясь относительно личности насильника. Поэтому его действия следует квалифицировать по ст. 104 УК РСФСР¹.

Требование закона о наступлении или возможности наступления тяжких последствий для виновного или его близких относится только к иным противозаконным действиям потерпевшего. Когда аффект возникает в результате насилия или тяжкого оскорбления, тяжесть последствий не является необходимым признаком диспозиции составов, предусмотренных ст. ст. 104, 110 УК РСФСР и аналогичными статьями УК других союзных республик. Под «близкими» по статьям 104, 110 УК РСФСР следует понимать не только близких родственников, но и лиц, судьбы которых тесно связаны и тяжкий вред,

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1973.—№ 1.—С. 8—9.

причиненный одному так глубоко затрагивают другого, что вызывает у него состояние аффекта¹.

В тех союзных республиках, где УК в статьях, аналогичных 104, 110 УК РСФСР, не предусматривают «иных противозаконных действий...» в качестве основания возникновения аффекта, соответствующие преступления следует квалифицировать как совершенные без смягчающих вину обстоятельств, а наличие аффекта учитывать лишь в качестве смягчающего обстоятельства при определении наказания.

Убийство, причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений в состоянии сильного душевного волнения могут быть совершены как с прямым, так и косвенным умыслом. Должно быть доказано, что лицо, действуя в состоянии аффекта, осознавало общественно опасный характер своих действий, предвидело указанные последствия и желало или сознательно допускало их.

Умысел может быть и неконкретизированным, когда лицо предвидит возможность наступления последствий различной тяжести, наступает при этом одно из предвиденных и желаемых или допускаемых последствий.

Мотив, внутреннее побуждение в рассматриваемых составах — место за те противозаконные действия, которые совершил потерпевший. По мотиву отличаются составы, предусмотренные ст. ст. 104, 110 УК РСФСР, от умышленного причинения таких же последствий при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105, 111 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других союзных республик).

Об этом дано разъяснение в п. 11 постановления № 14 Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств».

В следственной и судебной практике возникают трудности с установлением мотива, главным образом по тем делам, где виновное лицо действовало в состоянии аффекта, возникшего вследствие насилия со стороны потерпевшего.

Представляется, что в таких случаях следует исходить из начального момента ответных действий: если ответные дейст-

¹ В Бюллетене Верховного Суда РСФСР. — 1964. — № 9. — С. 8 опубликовано дело по обвинению Савина и Дьяченко, которые в состоянии аффекта убили Серикова, совершившего поджог дома Дьяченко, друга и соседа Савина. Действия обоих были квалифицированы по ст. 104 УК РСФСР.

вия начаты в тот момент, когда насилие со стороны потерпевшего имело место, а закончены тогда, когда обороняющемуся было ясно, что нападение отражено им первыми ударами и в дальнейших действиях необходимость уже отпала, однако он по инерции продолжает оборонительные действия, налицо превышение пределов необходимой обороны, чрезмерная по интенсивности оборона, побудительным моментом которой была защита¹.

Если же ответные действия начаты, когда насилие со стороны потерпевшего было закончено, и виновному, находящемуся в состоянии аффекта, это было ясно, то налицо в зависимости от последствий состава, предусмотренные ст. ст. 104, 110 УК РСФСР и аналогичными статьями УК других союзных республик, так как побудительным мотивом таких действий является месть.

При расследовании дел об убийстве, причинении тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта, необходимо установить момент возникновения умысла на причинение указанных последствий.

В конкретных ситуациях бывает так, что умысел возник раньше, чем сильное душевное волнение, а реализовался в состоянии аффекта. К таким ситуациям ст. ст. 104, 110 УК РСФСР неприменимы.

Так, по одному из уголовных дел К. знал, что жена ему изменяет и решил убить ее и соперника, если застанет их вместе. О своих намерениях он рассказал соседке, которая информировала его о встречах жены с другим мужчиной. С целью убийства К. приготовил тяжелый молоток. В день происшествия соседка сказала К., что его жена с мужчиной находятся в заброшенной бане, на окраине села. Взяв молоток, К. пошел к бане. Увидев жену и незнакомого мужчину в полураздетом виде, К. в состоянии аффекта нанес удар молотком по голове ей и множество ударов по голове и телу мужчине. От полученных повреждений мужчина скончался, а женщина получила менее тяжкие телесные повреждения. Содеянное К. правильно было квалифицировано как покушение на убийство двух лиц (ст. 15, п. «з», ст. 102 УК РСФСР) и простое убийство из ревности (ст. 103 УК РСФСР).

Убийство в состоянии сильного душевного волнения может быть совершено и при обстоятельствах, перечисленных в статье, предусматривающей ответственность за убийство при

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР № 5.—1984. Дело Зайналова.

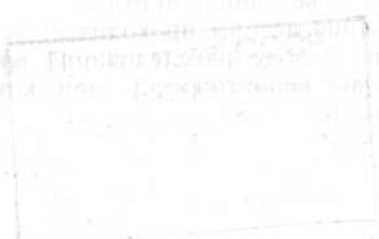
отягчающих обстоятельствах (убийство двух и более лиц, убийство способом, опасным для жизни многих и т. д.).

В п. 17 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» разъяснено, что в таких случаях содеянное следует квалифицировать по ст. 104 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, т. е. смягчающим обстоятельствам при квалификации отдается предпочтение.

В следственной и судебной практике нередко возникает вопрос — могут ли ст. ст. 104, 110 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других союзных республик применяться к ситуациям, когда виновное лицо находилось в нетрезвом состоянии. Если будет установлено, что аффект возник не как результат алкогольного поражения организма, а как следствие тех обстоятельств, которые предусматривают рассматриваемые статьи, то квалификация по ним применима. Конечно, речь идет не о тяжелых степенях опьянения, когда физиологическое состояние, психическое состояние человека, его возбудимость в значительной степени определяются именно алкоголем.

В заключение следует отметить, что проведенное Институтом усовершенствования следственных работников обобщение судебной практики по делам об убийствах в состоянии сильного душевного волнения позволяет сделать вывод, что следственные органы и суды не уделяют должного внимания выявлению и доказыванию состояния сильного душевного волнения, а в лучшем случае, устанавливают и доказывают противозаконность поведения потерпевшего как обстоятельство, которое может вызвать аффект. По целому ряду дел, однако, и эти обстоятельства исследованы крайне поверхностно.

Вместе с тем правильное применение ст. ст. 104, 110 УК РСФСР и аналогичных статей других союзных республик требует выявления и доказанности всех признаков, указанных в диспозициях этих статей.

69/444/69

Глава II

МЕТОДИКА ДОКАЗЫВАНИЯ АФФЕКТА

§ 1. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДОКАЗЫВАНИЯ АФФЕКТА

Правильное решение вопроса об уголовной ответственности за преступления, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (физиологического аффекта) возможно только в том случае, если будут верно установлены фактические обстоятельства дела, в действиях виновного четко определены все элементы состава преступления и в соответствии с этим дана точная правовая оценка деяния.

Аффект относится к событиям прошлого и поэтому не может быть непосредственно воспринят лицом, устанавливающим его. Но человек может установить всякий ранее существовавший факт объективной реальности путем опосредованного познания, каковым является процессуальное доказывание. И аффект тоже может быть установлен в процессе доказывания.

Правда, в следственной деятельности иногда возникают трудности при установлении аффекта. Однако они носят лишь практический характер и могут быть преодолены и реально преодолеваются в ходе использования различных методов познания.

Полученные в процессе доказывания знания о явлениях внешнего мира являются достоверными знаниями, имеющими характер объективной истины.

Познание истины проходит путь от вероятности к достоверности. В ходе расследования следователь первоначально располагает вероятным знанием, которое обычно выступает в виде версий.

Органы предварительного следствия не могут ограничиваться вероятными знаниями, ибо такая степень знания есть не что иное как предположение. В этой связи Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 июня 1969 года «О судебном приговоре» отметил:

«В силу ст. 43 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. В связи с этим судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены»¹. Следовательно, каждая версия должна быть проверена. При расследовании уголовного дела строятся версии не только в отношении расследуемого события в целом, но и в отношении отдельных элементов состава преступления, в том числе и элементов субъективной стороны. Поэтому по делам об убийстве или причинении телесных повреждений с учетом логического требования построения всех версий обязательно должна разрабатываться версия о совершении преступления в состоянии аффекта. Обязанность органов следствия — выяснить вопрос об аффекте — вытекает также из принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 20 УПК РСФСР). Сущность этого принципа заключается в том, что следователь, прокурор и суд обязаны принять все предусмотренные законом меры в целях выявления обстоятельств, как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также отягчающих и смягчающих его вину обстоятельств.

Когда говорят о следственной (судебной) версии, то имеют в виду обоснованное предположение относительно какого-либо факта². Обоснованная версия диктуется конкретными обстоятельствами дела.

Прежде всего, версия обязательно должна иметь фактическую основу, т. е. вытекать из данных, полученных в ходе расследования. Обычно сведения, дающие основание предполагать, что субъект, совершивший, например, убийство, находился в состоянии аффекта (данные о возбужденном состоянии

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР.—1924.—1977.—Ч. 2.—М., 1978.—С. 326.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. — 2-е изд. М., —1973.—С. 417.

лица, совершившего убийство, о наличии провокации со стороны потерпевшего¹, о возбужденном состоянии лица, совершившего убийство и др.), следователь получает при первых же допросах. Это дает основание для выдвижения версии о совершении аффективного преступления.

Помимо этого, должна учитываться особенность данного дела. Очевидно, что при убийстве на бытовой почве, во время драки или ссоры такая версия может быть вполне обоснованной. Версию об аффекте следует выдвигать и проверять в том случае, если получены данные о провоцирующем поведении потерпевшего. Кроме того, основанием для выдвижения такой версии может быть ярко выраженное несоответствие совершенного преступления обычному поведению обвиняемого.

Получив сведения, дающие основание для версии о совершении аффективного преступления, следователь обязан ее выдвинуть и не может уклоняться от ее проверки. Отказ от проверки такой версии представляет собой не что иное, как переложение на обвиняемого обязанности доказывания обстоятельств, смягчающих ответственность. Но это категорически запрещено уголовно-процессуальным законом (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 20 УПК РСФСР). В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 16 июня 1978 года «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» указал, что «недопустимо возлагать на обвиняемого (подсудимого) доказывание своей невиновности»². Это же положение Верховный Суд СССР неоднократно подчеркивал в решениях по конкретным делам³.

Часто версия о наличии аффекта формулируется в виде ходатайства подозреваемого, обвиняемого или его защитника (если последний участвует в деле с момента предъявления обвинения) о проведении следственных действий по собиранию доказательств, позволяющих установить аффект. Реше-

¹ Под провокацией здесь и далее имеются в виду указанные в диспозициях ст. ст. 104 и 110 УК РСФСР действия потерпевшего: насилие, тяжкое оскорбление, иные противозаконные действия, которые повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1978. — № 4. — С. 9.

³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962. — М., 1964. — С. 48, 108, 110, 173, 211, 258. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам. 1959—1971. — М., 1973. — С. 330, 378; Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1979. — № 3. — С. 20.

ние вопроса об аффекте имеет значение для дела. Поэтому следователь не вправе отказать в проведении этих следственных действий (ст. 131 УПК РСФСР).

Надо также иметь в виду, что в описательной части обвинительного заключения должны быть изложены доводы, приводимые обвиняемым в свою защиту, и результаты проверки этих доводов (ст. 205 УПК РСФСР). Поэтому при исследовании обстоятельств дела нельзя игнорировать обстоятельства в пользу обвиняемого. Всякий защитительный довод должен быть тщательно и всесторонне проверен. Ссылка субъекта на состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения — это именно защитительный довод, и следователь обязан принять его во внимание и проверить.

Вопрос о наличии или отсутствии аффекта необходимо решить на предварительном следствии уже к моменту предъявления обвинения. К числу обстоятельств, подлежащих доказыванию на этапе, предшествующем привлечению лица в качестве обвиняемого, относятся обстоятельства, указанные в пп. 1 и 2 ст. 68 УПК РСФСР, а также обстоятельства, содержащиеся в той норме уголовного закона, которая в данном случае может быть применена¹. Именно указанные обстоятельства составляют содержание объективной истины по делу, и аффект входит в их число.

Пока наличие аффекта не опровергнуто, у следвателя не может быть твердого убеждения в том, что в данном случае он имеет дело не с аффективным, а иным преступлением против личности. При такой ситуации наряду с системой доказательств о психическом состоянии субъекта в момент совершения преступления имеется противодоказательство в виде утверждения подозреваемого о наличии у него аффекта.

Вывод следвателя по делу может считаться содержательно достоверным только тогда, когда достигнут очевидный перевес доказательств над противодоказательствами². Если в рассматриваемом нами случае такого перевеса нет, то любое обвинение, кроме обвинения по ст. 104 (110) УК РСФСР, не может считаться основанным на достоверных доказательствах, поскольку собранным следвателем доказательствам противостоят и колеблют их иные доказательства (противодоказательства). Следовательно, должна быть принята версия о со-

¹ Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. — М., 1971. — С. 41, 44.

² Эйсмэн А. А. Логика доказывания. — М. 1971. — С. 94—95.

вершении аффективного преступления, поскольку показания подозреваемого о наличии аффекта не опровергнуты.

И, наконец, отметим еще одно важное для практической деятельности следователя обстоятельство, связанное с проверкой версии об аффекте.

Необходимо иметь в виду, что версия о совершении преступления в состоянии аффекта, если она своевременно, еще в начале следствия не выдвинута и не проверена следователем, может быть выдвинута позднее, например, при окончании предварительного следствия, самим обвиняемым или защитником. Это порождает значительные затруднения для следователя (необходимость продления срока расследования и др.) и может явиться психологическим барьером в его работе. Как правильно отмечает В. С. Бурданова, «типичные для конкретных следственных ситуаций версии защиты могут и должны прогнозироваться на основе следственных и оперативных данных, своевременно включаться в план расследования и проверяться до того момента, когда они будут заявлены следователем обвиняемым, защитником или другим участником процесса... Версии защиты должны включаться в типовые программы работы следователя и всесторонне проверяться при расследовании в целях объективности, всесторонности, полноты расследования и судебного рассмотрения уголовных дел»¹.

Практика показывает, что значительная часть аффективных преступлений не сразу получает правильную юридическую квалификацию. В. И. Басков по этому поводу обоснованно пишет: «У следователя и прокурора не хватает подчас решимости заявить, что в действиях подсудимого нет состава умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, что налицо убийство... в состоянии внезапно возникшего душевного волнения»². В результате этого, убийство квалифицируется по ст.ст. 102 или 103, а причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения — по ст.ст. 108 или 109 УК РСФСР.

Некоторая часть следователей, как отмечалось в печати, делает это сознательно, из перестраховки. Им важно только то, чтобы был вынесен обвинительный приговор, а как будет

¹ Бурданова В. С. Версии защиты как психологические барьеры в работе следователя // Процессуальные и криминалистические проблемы предварительного следствия. — Ташкент, 1980. — С. 28.

² Басков В. И. Изменение обвинения в суде первой инстанции // Советская юстиция. — 1974. — № 16. — С. 6.

квалифицировано преступление судом, им безразлично¹. Такая («с запасом») квалификация преступления равносильна незаконному обвинению. Она отягчает положение обвиняемого и существенно нарушает его права и законные интересы.

Но иногда неправильная квалификация объясняется недостаточными знаниями специфики расследования аффективных преступлений и прежде всего неумением устанавливать аффект. Дело в том, что методика установления аффекта до сих пор глубоко не разработана и нет научно обоснованных рекомендаций по этому вопросу. При расследовании дел об убийствах и причинении тяжких и менее тяжких телесных повреждений часто не добываются все доказательства, необходимые для установления аффекта. Встречаются и недостатки иного рода: собранные и имеющиеся в материалах уголовного дела данные (показания свидетелей, вещественные доказательства, заключения экспертов и др.) не используются в качестве доказательств наличия аффекта, поскольку следователи не имеют четкого представления о том, какую доказательственную информацию можно из них извлечь. Иногда эта информация искажается из-за ошибок, допущенных на этапе сбора данных (неправильная формулировка вопросов свидетелю, обвиняемому, искажения в записи ответов на вопросы и т. п.). В ряде случаев нужные данные утрачиваются в процессе анализа из-за неадекватной интерпретации.

В связи с этим необходимо определить путь, по которому должен идти следователь при разработке вопросов о психическом состоянии обвиняемого в момент совершения преступления.

В следственной и судебной практике вывод о наличии у обвиняемого в момент совершения преступления аффекта нередко делается лишь на основании установления провокации со стороны потерпевшего. При этом схема рассуждений следователя в общем виде такова: если в ответ на провокацию, отвечающую всем требованиям ст.ст. 104, 110 УК РСФСР, сразу же, без разрыва во времени последовало убийство виновника провокации или причинение ему тяжкого либо менее тяжкого телесного повреждения, то, при соответствующих показаниях обвиняемого, признается, что данное преступление совершено под влиянием этой провокации в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. В этом случае про-

¹ Шелковкин Г. Правильная квалификация преступления на предварительном следствии — одна из гарантий социалистической законности // Советская юстиция. — 1974. — № 3. — С. 6.

вокация является единственным объективным основанием для вывода о наличии аффекта. Психическое состояние обвиняемого однозначно выводится из сопоставления акта поведения с внешним воздействием, рассматриваемым как стимул данного поведения.

Однако такое упрощенное решение вопроса о наличии аффекта может приводить к ошибкам. Поэтому требуется установить и другие доказательства, которые дают возможность более убедительно обосновать наличие аффекта. В связи с этим судебная практика считает, что в материалах дела должны быть достаточные доказательства наличия аффекта¹, что истинный вывод об аффекте может быть получен только при наличии совокупности доказательств² и лишь сопоставление этих данных, установление их взаимоотношения и взаимосвязи и последующая оценка дают возможность сделать достоверный вывод о том, что виновный совершил преступление в состоянии аффекта³. Только при соблюдении названных условий в процессе доказывания аффекта можно рассчитывать на то, что версия превратится в доказанное положение.

Следователь должен ясно представлять, при помощи каких средств будет производиться доказывание. Поэтому необходимо знать источники получения данных об аффекте и круг фактических обстоятельств, на основе которых устанавливается это эмоциональное состояние.

Источники доказательств, на основе которых может устанавливаться аффект, указаны в ст. 69 УПК РСФСР. К ним относятся показания свидетелей, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы. Но знание лишь источников доказательств недостаточно для плодотворной, результативной работы по установлению аффекта. Необходимо также знать, какая именно информация, которую можно получить из этих источников, имеет отношение к доказыванию психического состояния виновного.

Методика установления аффекта включает в себя выяснение ряда обстоятельств, которые позволяют сделать определенные выводы о наличии аффекта. Сюда входят прежде всего данные о действиях обвиняемого в ситуации совершения преступления и после совершения преступления, психологиче-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР.—1963.—№ 3.—С. 28.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1967.—№ 3.—С. 15.

³ Бюллетень Верховного Суда СССР.—1973.—№ 3.—С. 27.

ские индикаторы аффективного состояния, а также личностные и индивидуальные особенности обвиняемого, его временные состояния, оказывающие влияние на эмоциональную сферу. Лишь при выяснении этих обстоятельств программа установления аффективного состояния обвиняемого в рамках предварительного следствия может считаться завершенной.

§ 2. ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ О ДЕЙСТВИЯХ ОБВИНЯЕМОГО В СИТУАЦИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОСЛЕ НЕГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ АФФЕКТА

Каждый поступок человека представляет собой единство и взаимосвязь внутренней и внешней стороны деяния. Это позволяет по особенностям элементов одной из сторон делать выводы об определенных свойствах другой. Исходя из этого положения можно заключить, что о наличии аффекта должны свидетельствовать действия, совершенные обвиняемым в таком состоянии.

В этом плане прежде всего следует обращать внимание на момент резкого перехода от относительного спокойного состояния к бурным действиям, резко контрастирующим с предшествующим состоянием. Такая внезапность изменения поведения в определенной степени указывает на возникновение аффекта.

Существенное значение для установления аффекта может иметь характер действий обвиняемого, совершенных непосредственно во время убийства или причинения телесных повреждений. Прежде всего следует отметить множественность ударов, которая может свидетельствовать об автоматизме действий и указывать на чрезвычайное возбуждение в тот момент. Подобные действия можно обоснованно рассматривать как одно из специфических доказательств совершения преступления в состоянии аффекта. Судебная практика также придерживается этого положения.

Солохин высказал недовольство тем, что проживающие с ним в одной комнате лица не разбудили его вовремя. В ответ на это Зиновьев дважды ударил Солохина кулаком в лицо и по голове, а затем оскорбил его непристойным словом.

Находясь в возбужденном состоянии, вызванном этими действиями Зиновьева, Солохин тут же ударил его ножом, причинив 9 ран, одна из которых — проникающее ранение в живот — отнесена к категории тяжких телесных поврежде-

ний. Солохин был осужден по ч. 1 ст. 108 УК РСФСР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, переквалифицировав действия Солохина с ч. 1 ст. 108 на ст. 110 УК РСФСР, указала: «...все обстоятельства дела и **поведение** осужденного Солохина **во время совершения преступления** свидетельствуют о том, что причинение тяжкого телесного повреждения Зиновьеву имело место в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения...»¹.

О степени душевного волнения может свидетельствовать сила ударов. Особую доказательственную ценность эти сведения получают тогда, когда обвиняемый не обладает большой физической силой. В таких случаях именно аффект вызывает мобилизацию всех физических возможностей человека, резко и многократно увеличивая их.

Сведения о количестве и характере телесных повреждений, причиненных потерпевшему, содержатся в описательной части акта судебно-медицинской экспертизы, и они должны получить оценку следователя в плане доказывания аффекта.

При совершении аффективных преступлений в качестве орудия используются различные предметы. Являясь вещественным доказательством, орудие преступления может служить средством к установлению, в частности, фактических обстоятельств дела и смягчению вины обвиняемого (ст. 83 УПК РСФСР). Оно способно оказать помощь в установлении любого элемента состава преступления — объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, в том числе и аффекта.

Выбор орудия преступления из множества предметов всегда детерминирован обстановкой совершения преступления. Условия, в которых находится субъект перед совершением преступления, заставляют его решать вопрос о конкретном орудии преступления. Учитывая все обстоятельства, субъект останавливает свой выбор на одном из возможных и доступных ему орудий. Такая мыслительная операция совершается при любом волевом поступке.

При аффективном действии все происходит иначе. Здесь нельзя говорить о выборе в обычном понимании этого слова. Субъект не взвешивает эффективность использования того или иного предмета, не отбрасывает по каким-то соображениям одно орудие и не отдает предпочтение другому. Объясняется это тем, что при аффекте умысел возникает внезапно, созна-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1974. — № 12. С. 5—6 (выделено мною — Л. Р.).

ние сужено и возможность выбора отсутствует. Субъект (если только он не бьет и не убивает потерпевшего лишь при помощи мускульной силы) берет и использует тот предмет, который первым всплыл в сознании, попал в поле зрения или оказался под рукой.

Следовательно, если будет установлено, что субъект совершил преступление с помощью предмета, который не был заранее подготовлен и подвернулся под руку, это при определенных обстоятельствах можно считать признаком, характерным для совершения преступления в состоянии аффекта¹.

Кроме того, как показывает практика, при аффекте в качестве орудия преступления часто используются самые неожиданные, необычные предметы (чайник, детские санки, коромысло и др.).

В ходе судопроизводства предмет, использованный в качестве орудия преступления, должен рассматриваться с точки зрения его функциональности, его «предназначенности» для нанесения ударов и ранений. Наносить удары можно любым предметом — палкой и камнем, детской игрушкой и музыкальным инструментом и т. д., но если камень или палка, нож или топор в руках обвиняемого не вызывают удивления, то чайник или детские санки, в силу своей нетипичности для совершения большинства преступлений против личности, указывают на необычность психического состояния обвиняемого в тот момент, на возможный аффект.

Следовательно, существует определенная зависимость между возбуждением психики и использованием данного орудия преступления. В таких случаях орудие преступления выступает в роли объективного критерия для вывода о степени возбуждения психики обвиняемого в момент совершения преступления.

В следственной и судебной практике по делам об аффективных преступлениях орудия преступления как вещественные доказательства, подтверждающие наличие аффекта, занимают в системе доказательств малое место. Крайне редко в обвинительных заключениях и в приговорах наличие аффекта обосновывается ссылкой на особенности предмета, использованного в качестве орудия преступления. Однако тщательный анализ особенностей орудия преступления позволяет выявить его доказательственное значение при установлении аффекта.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1983.—№ 7.—С. 12.

С точки зрения психологического и логического аспектов оценки доказательства важно, чтобы следователь осмыслил непосредственно воспринятое доказательство и, включив его в систему доказательств, смог перейти к установлению действительных обстоятельств дела. Применительно к рассматриваемым случаям осмотр орудия преступления позволяет получить весьма специфическую информацию. При непосредственном восприятии самого предмета его «непредназначенность» для использования в качестве орудия преступления с точки зрения обычного («нормального») представления об орудии преступления позволяет сделать вывод о нетипичности использования данного предмета в таком качестве. Данный вывод может оказать влияние на формирование убеждения следователя в том, что преступление было совершено обвиняемым в состоянии аффекта.

Большую и важную информацию о психическом состоянии обвиняемого в момент убийства или причинения телесного повреждения дает изучение его поведения после совершения преступления.

Прежде всего должно быть выяснено физическое состояние обвиняемого после того, как преступление уже совершено и возбуждение начало спадать. Во время взрыва возбуждения происходит крайне неэкономное расходование энергии, и состояние человека после аффекта характеризуется падением жизнедеятельности ниже нормы. Когда аффективная вспышка проходит, наступает психическое истощение, которое выражается в слабости процессов возбуждения. Человек чувствует себя усталым, «разбитым», у него наблюдаются упадок сил, апатия, безразличное отношение к окружающему, сонливость, своеобразное состояние оглушенности (так называемый аффективный шок). По всем этим признакам можно судить о степени пережитого душевного волнения.

В ряде случаев помогают понять психологическое состояние обвиняемого его действия после совершения преступления. Для большинства таких преступлений характерно то, что после окончания вспышки и осознания случившегося у обвиняемого наступает немедленное раскаяние. Это может выражаться в том, что обвиняемый оказывает потерпевшему первую помощь, вызывает врача, проявляя тем самым деятельное желание устранить, уменьшить причиненный вред. Во многих

случаях сразу после совершения преступления виновный является с повинной в органы власти¹.

Нередко у лиц, совершивших преступление в состоянии аффекта, отмечается повышенная готовность рассказать о содеянном, снять с себя груз преступления и нести наказание. Они, как правило, признают свою вину, подробно рассказывают о случившемся, о себе, искренне раскрываясь перед следователем. В таких преступлениях обвиняемый желает «быть добросовестным свидетелем в деле о своем преступлении, о своем несчастье...»².

§ 3. ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ АФФЕКТИВНОГО СОСТОЯНИЯ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ АФФЕКТА

Определенные выводы о наличии аффекта могут быть сделаны на основе установления психологических индикаторов этого состояния. Индикатор — это непосредственно наблюдаемый показатель, который может быть использован для установления какого-либо явления или процесса со стороны его качественной и количественной характеристик. В психологии индикаторы эмоциональных состояний давно выделены и используются в различных исследованиях.

Эмоциональное состояние оказывает влияние на все функции организма. Это происходит на четырех уровнях и выражается в виде определенных реакций.

1. Психическая реакция, проявляющаяся во внутренних переживаниях, чувствах, состояниях. При этом нарушается логика мышления, разумная деятельность.

2. Двигательно-поведенческая реакция в виде изменений мимики и пантомимики, характера двигательной активности, речи.

3. Вегетативная реакция, выражающаяся в реакциях сердечно-сосудистой и дыхательной системы, внутренних органов и др. При этом учащаются пульс и дыхание, повышается кровяное давление, изменяется деятельность желудочно-кишечного тракта и т. д.

4. Биохимическая реакция в виде обмена веществ: изменение химического состава крови, мочи, изменение содержания

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1982.—№ 10.—С. 4—5.

² Конн А. Ф. Избранные произведения в двух томах.—Т. 1.—М., 1959.—С. 167.

в них гормонов, сахара, витаминов, некоторых промежуточных продуктов обмена веществ¹.

Каждая из этих реакций является индикатором эмоционального состояния. Однако в следственной и судебной практике не все названные индикаторы могут быть использованы для установления эмоционального состояния обвиняемого. С этой точки зрения указанные проявления эмоций можно разделить на три группы.

Первую группу составляют реакции, которые ощущаются только самим субъектом, переживающим эмоцию, и недоступны восприятию других лиц. Сюда относятся испытываемое субъектом определенное состояние (в данном случае — гнев), некоторые реакции периферической нервной системы (работа органов дыхания, частота сердечных сокращений, артериальное давление и некоторые другие), а также изменения хода мыслительных процессов (сужение сознания и др.).

Вторую группу образуют те реакции, которые могут быть зарегистрированы другими лицами. К ним относятся вегетативные выражения, а также моторно-поведенческие реакции.

В третью группу входят реакции, которые не ощущаются самим субъектом, переживающим эмоцию, и не могут быть объективно зарегистрированы без использования приборов и проведения специальных исследований. Это различные физиологические показатели эмоциональных состояний в виде изменений температуры кожи, химического состава крови и мочи, биоэлектрической активности мозга и др.

Совершенно очевидно, что в условиях уголовного судопроизводства для установления эмоционального состояния обвиняемого в момент совершения преступления могут быть использованы только первая и вторая группы эмоциональных реакций.

В случае совершения аффективного преступления допрос субъекта, совершившего убийство или причинившего телесные повреждения, происходит вскоре после содеянного. Таким образом, уже в начале предварительного следствия имеются данные о психическом состоянии обвиняемого, полученные от него самого.

Обычно обвиняемые дают такие описания своего состояния, в которых хорошо прослеживаются вегетативные реакции, характерные для аффекта («внутри все закипело», «охватило бешенство», «было все, как в тумане», «в голове помутни-

¹ Космолинский Ф. П. Эмоциональный стресс при работе в экстремальных условиях.—М., 1976.—С. 16—17.

лось»). С точки зрения доказывания аффекта, такое естественное описание состояния более ценно, чем высказанное в общем виде утверждение типа «Да, был сильно взволнован».

В показаниях обвиняемых прослеживаются также изменения обычного характера протекания мыслительных процессов. Известно, что в состоянии аффекта восприятие становится неясным. Событие, вызвавшее аффект, сразу не осознается. Этим объясняются такие, например, показания обвиняемых, как «не соображала, что делаю»¹. Совершение преступного действия воспринимается как неожиданное². Осознание происходящего обычно сужается до осознаваемости лишь вызывающих аффект обстоятельств. При допросе обвиняемого это, как правило, легко установить, особенно на первом допросе. Субъект не помнит некоторых событий преступления и не может ответить на все вопросы о ситуации преступления и собственных действиях, даже о своем состоянии в тот момент. Первые показания могут отличаться от последующих бедностью содержания, отсутствием четкого изложения событий, фрагментарностью, причем по наиболее существенным обстоятельствам дела. В подобных случаях следователи нередко считают, что обвиняемый намеренно искажает картину происшедшего в целях облегчения своего положения. При таком подходе к оценке показаний обвиняемого не учитывается важный психологический фактор, а именно причина данного явления, которая заключается в том, что во время аффекта порог восприятия может значительно повыситься и человек временно перестает осознавать целый ряд раздражителей³.

Примером правильной оценки такого явления служит дело Богатова. Он был осужден Кемеровским областным судом по п. «г» ст. 102 УК РСФСР. При этом суд сделал вывод о том, что Богатов не был сильно взволнован, исходя из его показаний на первом допросе в стадии предварительного следствия.

Заместитель Председателя Верховного Суда РСФСР опротестовал данный приговор, поставив вопрос о переквалификации действий осужденного на ст. 104 УК РСФСР.

Президиум Верховного Суда РСФСР протест удовлетворил. При этом Президиум признал указанный вывод суда первой инстанции неосновательным и указал, в частности, что Богатов позднее говорил о своем состоянии подробно: «В гла-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1983.—№ 7.—С. 12.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1984.—№ 5.—С. 8.

³ См.: Костандов Э. А. Восприятие и эмоции. — М., 1977. — С. 35.

зах у меня помутилось, был в шоке..., не контролировал себя...»¹. В данном случае Президиум психологически правильно оценил последующие показания Богатова именно как более подробные, а не как противоречащие ранее данным показаниям.

В судебной практике всегда придавалось большое значение показаниям обвиняемых о их психическом состоянии в момент совершения преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, оставляя без удовлетворения протест заместителя Прокурора РСФСР о переквалификации действий Мирошников с ч. 2 ст. 108 на ст. 110 У КРСФСР, отметила, в частности, что Мирошников не говорил о том, что находился в момент совершения преступления в состоянии сильного душевного волнения².

И, наоборот, Президиум Верховного Суда РСФСР переквалифицировал действия Иванова с п. «з» ст. 102 на ст. 104 УК РСФСР, обосновав свое решение также и тем, что на предварительном следствии и в судебном заседании Иванов говорил о совершении преступления в состоянии сильного душевного волнения³.

Но как бы убедительно ни выглядели показания обвиняемого, они не могут считаться решающими доказательствами наличия аффекта, поскольку субъект может ошибаться в характере и силе своих эмоциональных переживаний. Поэтому показания обвиняемого должны быть взяты и оценены в совокупности с другими доказательствами⁴.

Иными доказательствами наличия аффекта служат внешние, объективно регистрируемые проявления эмоционального состояния.

Аффект выражается во внешнем облике человека. Во всей психической деятельности труднее всего скрыть аффект, поэтому он всегда заметен для окружающих.

Источниками получения всех данных о внешних проявлениях аффекта являются свидетельские показания. Роль сви-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1984. — № 1. — С. 9.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1966. — № 4. — С. 5.

³ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1970. — № 9. — С. 8—9. См.: также Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1983. — № 7. — С. 15; № 11. — С. 7; 1984. — № 5. — С. 8.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1983. — № 11. — С. 7.

детельских показаний при установлении аффекта неоднократно подчеркивалась высшими судебными инстанциями¹.

При допросе свидетелей прежде всего необходимо установить проявления воздействия аффекта на сомато-вегетативные функции организма. В отдельных случаях человек бывает способен подчинить контролю некоторые внешние проявления эмоций (овладеть мимикой, сдерживать слезы), но все же он неизбежно бледнеет или краснеет за счет деятельности внутренних органов. Такие вегетативные реакции, неподвластные самоуправлению, являются наиболее надежными показателями эмоциональных состояний.

Аффект выражается также в моторно-поведенческих реакциях (изменения мимики, жестов, речевой деятельности). Эта выразительная, экспрессивная сторона аффекта обычно передает информацию об эмоциональном состоянии человека более эффективно, чем словесная форма сообщения, однозначная и адекватно отражает внутреннее состояние человека.

Из внешних проявлений аффекта прежде всего заметны мимические реакции. Мимические компоненты эмоций считаются тонким индикатором качества эмоционального состояния. Мимика дает возможность судить о качестве эмоционального напряжения, позволяя идентифицировать конкретные эмоциональные состояния. Кроме того, она отражает степень душевного волнения.

Говоря о мимике, следует иметь в виду не только ее целостное выражение в момент аффекта. В целях уточнения эмоционального состояния важно рассматривать ее отдельно — по различным фракциям лица. Например, при бурных эмоциональных взрывах появляются вертикальные складки по середине лобной мышцы, приподнимаются крылья носа, глаза наливаются кровью, иногда дрожат губы. Поэтому при допросе свидетелей необходимо уточнить и эти обстоятельства.

Отмечая значение мимических реакций для установления аффекта, нужно подчеркнуть, что не следует опасаться их искусственного воспроизведения в момент совершения преступления. Во-первых, эмоция должна возникнуть в определенной ситуации, и состояние субъекта оценивается в совокупности всех элементов ситуации. Во-вторых, чтобы верно воспроизвести эмоцию, человек должен обладать определенным умением,

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1966. — № 4. — С. 5; Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964—1972 гг. — М., 1974. — С. 502—503.

которое вырабатывается в процессе занятий, упражнений (например, у актеров). В-третьих, надо учитывать, что мимика сохранила много произвольных компонентов, и поэтому при углубленном анализе можно отдифференцировать мимическое выражение подлинных эмоций от искусственного воспроизведения тех чувств, которые в данный момент не переживает субъект¹.

Выразительными возможностями обладает жест, включающий пантомимику и жестикуляцию. Существуют строгие зависимости между охватившим человека чувством и жестом. Каждый человек обладает определенной степенью приемов и способов действия, особой жестикуляцией, определенным двигательным навыком. Аффект же сильно меняет характер движений и жестикуляцию человека. Нарушается двигательный контроль, причем это происходит параллельно с возрастанием эмоциональной напряженности. Движения становятся резкими, быстрыми, их координация изменяется, и в них проявляется необычная сила. Такая необычность движений всегда заметна, и по степени их изменений можно сделать вывод о силе душевного волнения.

Своеобразным индикатором эмоционального состояния человека является его речь, которая всегда несет информацию об индивидуальности говорящего, его психофизиологическом состоянии в данный момент².

В речи существует определенная стабильность способов выражения эмоций. При аффекте становятся заметными фонетические изменения речи, человек начинает «запинаться», заикаться.

Информацию о психическом состоянии человека несет голос, являющийся строго индивидуальным человеческим свойством. Голосу присущи неизменные качественные особенности. Поэтому люди, знающие голос данного человека, воспринимая его звучание, чутко фиксируют голосовые изменения и могут описать эмоциональное состояние этого человека. При гневe, в момент сильного волнения, может меняться тембр голоса, причем до такой степени, что голос становится неузнаваемым.

¹ См.: Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. — М., 1975. — С. 99. См. также: Короленько Ц. П., Фролова Г. В. Вселенная внутри тебя (Эмоции. Поведение. Адаптация). Новосибирск, 1979. — С. 75).

² См.: Галунов В. И., Манеров В. Х. Пути решения проблемы создания систем определения эмоционального состояния говорящего // Вопросы кибернетики. — Вып. 22. — М., 1976. — С. 96.

Очень яркое эмоциональное состояние человека проявляется в изменениях интонации. Интонационные изменения при аффекте гнева особенно показательны. Специальные психологические исследования, проведенные на материале эмоции гнева, позволили сделать вывод, что даже на основании только интонационных средств (вне связи с мимикой и жестами) эта эмоция опознается достаточно четко.

Эмоциональное отношение человека к предмету или явлению выражается также в лексике. Речь связана с мышлением и служит средством объективации мысли. Вместе с тем, отражая все внутренние и внешние проявления жизнедеятельности человека, речь выражает и эмоциональное состояние говорящего. Во время сильного эмоционального возбуждения человек не может выразить волнующие его обстоятельства в соответствующей им словесной форме. В этот момент он не в состоянии передать словами подлинное содержание и оттенки, всю сложность охвативших его мыслей и чувств. Затрудняются поиски слов для адекватного выражения мысли. Поэтому охватившая человека сильная эмоция проявляется в особых экспрессивных словах, специфических выражениях и т. д.¹

При допросе свидетелей по поводу психического состояния обвиняемого необходимо получить конкретные факты. Прав М. С. Строгович, отвергавший доказательственное значение каких бы то ни было умозаключений свидетеля. Он указывал, что «доказательственную силу имеют только сообщения свидетеля о фактах, а не его мнения и умозаключения. Поэтому при проверке и оценке показаний свидетеля всегда необходимо в этих показаниях отделять факты от мнений и выводов и эти мнения и выводы сводить к фактам, на основе которых они свидетелями составлены»².

Но помимо этого процессуального аспекта проблемы есть еще психолингвистический аспект. Употребляя оценочные выражения, относящиеся к силе душевного волнения, различные свидетели вкладывают в них не одно и то же содержание³. То, что одному человеку с учетом его возраста, темперамента,

¹ Носенко Э. Л. Лингвистические особенности построения устного высказывания в состоянии эмоциональной напряженности. Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. — 1975. — Т. XXV. — Вып. 2. — С. 254.

² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — Т. 1. — 1968. — С. 409.

³ См.: Леонтьев А. А., Шахнарович А. М., Батов В. И. Речь в криминалистике и судебной психологии. — М., 1977. — С. 49.

личностных представлений о ситуации покажется сильным волнением, другому, с учетом тех же обстоятельств, покажется возбуждением, далеким от его представлений об аффекте. Поэтому, если свидетель говорит, что обвиняемый был сильно взволнован (или выражает эту мысль другими словами), то нельзя на этом остановить допрос. Обязательно надо выяснить, на чем основано это утверждение, на каких фактах внешнего проявления волнения он делает такой вывод.

Как правило, свидетели, зафиксировавшие внешние проявления аффекта, дают о них показания, используя разговорно-просторечную лексику («лицо покрыто багровыми пятнами», «глаза расширены», «заикался», «говорил бессвязно», «дико смеялся», «был бледен, взволнован и его трясло», «выглядел каким-то сумасшедшим», «был бледен, дрожал»). Но часто в ходе допроса на предварительном следствии эти показания, проходя через сознание следователя, трансформируются и в протоколе допроса приобретают совершенно другой вид. Такое положение следует признать недопустимым. Показания свидетелей о внешних проявлениях аффекта необходимо записывать в таком виде, в каком они сообщаются свидетелем.

В практике допросов свидетелей по делам о преступлениях, совершенных в состоянии физиологического аффекта, часто допускается такая ошибка. Следователи фиксируют особенности эмоционального состояния и поведения обвиняемого только в момент совершения преступления. При этом не прослеживается динамика эмоционального состояния, не выявляются особенности его развития во времени. Однако необходимо проследить и зафиксировать в протоколе допроса процесс нарастания эмоционального напряжения, достижение кульминации и последующее затухание этого процесса. Параллельно с этим должно быть прослежено и поведение обвиняемого. Наличие всех этих сведений позволит точнее оценить характер эмоционального состояния обвиняемого в момент совершения преступления.

Всякому человеку, наблюдавшему протекание аффекта у другого лица, понятны его переживания. И все же иногда надо принимать во внимание возрастные, половые, индивидуально-психологические и личностные особенности человека, влияющие на его способность понимать внешние проявления эмоций.

Вопрос о возрастных способностях понимать внешние проявления эмоций широко исследован в советской психологии.

Полученные при этом результаты могут быть использованы при оценке показаний свидетелей.

Экспериментальные данные показывают, что дети уже в 5—6 лет связывают мимику и жест с определенным эмоциональным состоянием, а к 7 годам по речи верно осознают содержание эмоций, в том числе и выражение гнева. В интервале от 7 до 17 лет наблюдается прогресс в распознавании эмоциональных состояний по выражениям лица. Однако иногда подросток ошибочно истолковывает эмоциональное состояние человека по отдельным выразительным движениям, а у детей 11—13 лет было обнаружено явление временного регресса в распознавании некоторых чувств. Умение выделить предметность эмоции, связать ее с конкретной ситуацией отмечается уже у школьников 1—3 классов.

Отмечены и возрастно-половые различия в определении мимических реакций. Среди подростков старшего школьного возраста девочки более точно определяют эмоциональное переживание по мимике, чем мальчики; и чем старше подростки, тем это различие больше.

При допросе свидетеля о психическом состоянии обвиняемого нужно учитывать явления апперцепции, т. е. зависимость содержания и направленности восприятия человека от его индивидуальных особенностей. На процесс восприятия влияют знания, опыт, интерес, профессия человека. Например, врач и педагог правильнее могут воспринять и точнее воспроизвести в своих показаниях состояние обвиняемого, нежели человек, не имеющий такой профессиональной подготовки. Человек с высокой художественной наблюдательностью (художник, актер) скорее может запомнить и лучше передать мимику и пантомимику наблюдаемого человека.

§ 4. ЗНАЧЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ, ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ, СОМАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ И ВРЕМЕННЫХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ОБВИНЯЕМОГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ АФФЕКТА

Сила эмоциональной реакции устанавливается не только на основе данных о поведении обвиняемого и фиксируемых индикаторов, но и опосредованно — путем выяснения обстоятельств, которые способствуют возникновению такой реакции и обуславливают степень ее интенсивности. Эти обстоятельства имеют субъективный характер. Одни из них связаны с особенностями личности обвиняемого, другие — с индивиду-

альными особенностями или временными состояниями. Установление всех этих обстоятельств позволяет глубже понять причины возникновения эмоциональной реакции обвиняемого и получить дополнительные доказательства того, что эта эмоциональная реакция достигла степени аффекта.

1. Исследование личности обвиняемого дает возможность решать многие вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел, в том числе и устанавливать аффект. Личность человека оказывает непосредственное влияние на его эмоциональную (аффективную) сферу. Поэтому знание личностных характеристик обвиняемого, его установок и ценностных ориентаций позволяет установить характер реакции на провокацию потерпевшего и психическое состояние обвиняемого в момент совершения преступления.

В плане доказывания аффекта должны быть выделены и рассмотрены две группы данных, характеризующих личность обвиняемого:

- 1) данные, соотносящиеся с характером провокации,
- 2) данные, соотносящиеся с характером совершения преступления (убийство, причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений).

Аффект как эмоциональная реакция возникает у человека только тогда, когда ситуация затрагивает те ценности, т. е. важные для него объекты, на которые положительно ориентировано его сознание. Иначе говоря, аффект всегда предметен. Поэтому человек четко представляет причину своей эмоциональной реакции и может объяснить ее. Отсюда следует практически важный для следователя вывод о том, что характер провокации следует соотнести с личностью обвиняемого. Это позволяет ясно понять степень личностной значимости провокации и ее последствий для обвиняемого, а на основе этого — характер и силу эмоциональной реакции. Конкретное влияние личностных особенностей на эмоциональное состояние субъекта и возможность использования их для установления аффекта целесообразно рассмотреть применительно к каждому случаю провокации, указанному в ст. ст. 104, 110 УК РСФСР.

При провокации в форме насилия понимание причины эмоциональной реакции и степени ее интенсивности обычно не вызывает трудностей. Здесь происходит посягательство на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность, которые занимают в иерархии социальных ценностей каждого человека одно из ведущих мест в силу их функционального содержания и значения для человека.

Тяжкое оскорбление воздействует на чувство собственного достоинства, которое является неотъемлемой чертой морального облика советского человека и относится к величайшим ценностям. Сознание собственного достоинства и возникающее на основе этого сознания чувство собственного достоинства появляются у человека на основе самооценки.

Самооценка — это отношение к себе, к своим качествам и состояниям, возможностям, физическим и духовным силам¹. Она возникает в процессе социальной жизни человека, в ходе всей его деятельности, представляющей собой постоянное выполнение определенных социальных ролей (гражданина, отца, супруга, специалиста и т. д.). Выполнение всякой социальной роли — это самоутверждение человека, и выполняемые роли в значительной степени определяют его самооценку. Поэтому человеку небезразлично, как другие лица оценивают его со всех этих точек зрения.

Субъективно для человека важно также все, что характеризует его как индивида, все относящееся к его индивидуальности, включая сюда даже отношение к физическому облику, к внешности. Оскорбление потерпевшего может быть связано с отзывом о внешнем облике обвиняемого, состоянии его здоровья, физическом уродстве. В зависимости от уровня самооценки человека это может вызвать у лица, подвергшегося оскорблению, состояние аффекта.

В сознание собственного достоинства входит также осознание человеком своей ценности как представителя определенной общности людей (представителя страны, национальной общности, коллектива и т. д.)². Для каждого человека соотношение самого себя с какой-либо общностью представляет определенную ценность. Если оскорбительным высказыванием потерпевшего задета принадлежность субъекта к какой-либо общности (например, национальной), то надо выяснить и понять степень его отношения к ценности данного порядка, а также уяснить, как субъект связывает себя, свою деятельность с данной общностью.

Должно обязательно учитываться социальное значение той общности, к которой причисляет себя субъект. Высказыванием потерпевшего может быть задета «честь» такой общности, существование и деятельность которой не одобряется с позиций коммунистического мировоззрения или морали либо зап-

¹ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. — М., 1972. — С. 149.

² См.: Блюмкин И. А. Человеческое достоинство // Личность при социализме. — М., 1968. — С. 241.

решается советским законом, но к которой субъект себя относит. Это может быть воспринято как посягательство на его ценности и унижение его чувства собственного достоинства. В таком случае мы имеем дело с извращенным представлением о подлинных ценностях и не соответствующей объективным требованиям самооценкой.

Например, преступников-рецидивистов характеризует искусственно создаваемая и усиленно внушаемая ими себе и окружающим идея о их некой исключительности, необычности и превосходстве над окружающими, а также резко преувеличенное представление о сверхценности собственной личности. Им присущ искусственный противоестественный мир идей, представлений, принципов, где все «вывернуто наизнанку», где прозвище «честный вор» заслуживает именно рьяный хранитель воровских традиций¹.

Итак, в случае провокации в форме тяжкого оскорбления, в зависимости от его характера и содержания нужно учитывать личностные установки обвиняемого на собственное достоинство с позиций его общечеловеческой ценности, выполняемых им социальных ролей и общности, к которой он себя причисляет.

При совершении потерпевшим «иного противозаконного действия», затрагивающего интересы обвиняемого, также следует выяснить объект посягательства и его место в системе ценностей обвиняемого. Если причинен физический или имущественный вред самому обвиняемому, то нетрудно установить данный объект и отношение обвиняемого к нему. В случае причинения морального вреда ценностью, на которую посягает потерпевший, часто является не столько сам материальный предмет, сколько отношение к нему.

Приведем пример.

Во время ссоры с Харламовым сосед по квартире Моисеев ворвался в его комнату. Желая досадить ему, он схватил со стола единственную имевшуюся у Харламова фотографию его погибшего сына и бросил ее в печь. В ответ на эти действия Харламов топором ударил Моисеева, причинив ему тяжкие телесные повреждения.

Совершенно очевидно, что в данном случае главным был не имущественный вред (стоимость фотографии), а моральный. При такой оценке ситуации становится ясным, почему у Харламова возникло состояние аффекта. Выяснение отноше-

¹ См.: Яковлев А. М. Борьба с рецидивной преступностью — М., 1964. — С. 106—107.

ния Харламова к памяти о погибшем сыне позволило объяснить ответную эмоциональную реакцию и определить ее как аффект.

Такая же картина может быть и в случае причинения физического вреда.

Во время производства ремонта в квартире плотник Афанасьев по неосторожности повредил палец жильцу этой квартиры Н. — музыканту-исполнителю. Н. в это время готовился к конкурсу и связывал с участием в нем большие надежды, дальнейшие жизненные планы. Полученная травма исключала его участие в конкурсе.

В ответ на причиненное ему телесное повреждение, относящееся к категории легкого, повлекшего за собой кратковременное расстройство здоровья, Н. сильно ударил Афанасьева, причинив ему тяжкое телесное повреждение. В данном случае не было тяжкого физического вреда для Н., но ему был причинен значительный моральный вред. В результате этого Н. был лишен возможности осуществить то, что было для него жизненно важным. Понимание важности этого момента для Н. открывало путь для правильной оценки его бурной аффективной реакции.

В том случае, когда провокация была направлена не на обвиняемого, а в отношении другого лица, необходимо определить еще одно звено в личностной структуре обвиняемого.

Конфликт между двумя лицами может привлечь внимание третьего и вызвать у последнего аффект гнева. Здесь мы встречаемся с проявлением эмпатии, т. е. способности человека понимать переживания других лиц и эмоционально отзываться на их переживания. Эмпатия является одним из стойких компонентов личности. Поэтому при расследовании преступления следует выявить способность обвиняемого эмоционально откликаться на ситуацию неблагополучия для другого лица. Высокий уровень этой черты личности позволяет удовлетворительно объяснить бурность эмоциональной реакции и степень ее интенсивности.

При доказывании аффекта необходимо соотнести совершенное преступление с линией поведения обвиняемого. Это позволит понять, привычен для обвиняемого агрессивный стиль поведения или он резко контрастирует с обычным поведением.

Человек в течение своей жизни встречается много сложных ситуаций, требующих быстрого разрешения. В результате этого у него вырабатывается определенный стиль полемики, от-

пора, борьбы за свои убеждения, отстаивания своего мнения, даже ссоры. Поэтому известно, какие личностные, индивидуальные особенности могут быть проявлены им в той или иной обстановке, каковы границы допустимого в его поведении.

Если в случае совершения убийства или причинения телесных повреждений будет установлено, что обвиняемый ранее всегда с уважением относился к благополучию других лиц и сейчас совершил несвойственное ему действие, то этому обстоятельству должно быть придано самое серьезное значение. Акт поведения, который резко противоположен обычной линии поведения обвиняемого, свидетельствует о необычности, чрезвычайности предшествующей ему ситуации. И чем больше будет разрыв между выявленными особенностями личности и характером содеянного, тем больше оснований утверждать, что ситуация была достаточно серьезна и может быть определена как экстремальная, т. е. ставящая перед субъектом требования, превышающие его возможности. Поэтому такие неожиданные изменения стереотипов поведения дают серьезные основания для вывода, что преступление совершено при значительном возбуждении психики. С точки зрения установления истины по уголовному делу данное обстоятельство можно рассматривать как одно из доказательств совершения преступления в состоянии аффекта. Такой путь доказывания аффекта часто используется в судебной практике.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР переквалифицировала действия Д. со ст. 103 на ст. 104 УК РСФСР, признав, что Д. совершил убийство в состоянии сильного душевного волнения. Коллегия пришла к такому выводу, «исходя из конкретных обстоятельств, причин возникновения конфликтной ситуации и данных, характеризующих личность Д». В определении особо отмечалось, что Д. не склонен к конфликтам¹.

В другом случае Пленум Верховного Суда СССР, признавая, что Ивашкин в момент убийства находился в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, учел прежнее отношение Ивашкина к жене. В частности, был принят во внимание случай, когда жена пыталась покончить жизнь самоубийством, а он спас ее. Сопоставление случая спасения жены и факта убийства дало Пленуму Верховного Суда СССР основание (наряду с другими обстоятельствами)

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1973.—№ 8.—С. 7.

признать особую напряженность ситуации во время совершения преступления и наличие физиологического аффекта у виновного¹.

Необходимость выяснения данных о личности обвиняемого, важных с точки зрения установления аффекта, ставит перед следователем задачу отыскания адекватных методов изучения личности.

В большинстве случаев следователь получает характеристики с последнего места работы или учебы и с места жительства обвиняемого, а нередко ограничивается одним из этих документов. Иногда (чаще — по делам несовершеннолетних) допрашиваются свидетели, знавшие обвиняемого до совершения преступления. Совершенно очевидно, что такие данные не дают достаточно полного, а тем более глубокого психологического представления об обвиняемом.

С точки зрения доказывания аффекта, наиболее эффективными методами изучения личности обвиняемого является метод допроса (обвиняемого и свидетелей)², метод обобщения независимых характеристик³ и метод изучения личных документов⁴.

2. Поступки человека детерминированы не только личностными факторами, но и его биологическими, психофизиологическими, индивидуально-психологическими, соматическими особенностями. Это положение получило в современной науке широкое признание. Однако важно правильно понимать роль и значение этих особенностей. Следует учитывать, что они выступают как внутреннее условие поведения, но не являются определяющими в детерминации поступка и не характеризуют содержательную сторону поведения. Включение этих особенностей в сферу правового исследования не означает, что они признаются определяющими криминогенными факторами. Их учет помогает лишь глубже раскрыть и понять внутренний психологический механизм действия.

¹ Социалистическая законность. — 1961. — № 2. — С. 92.

² См.: Ведерников Н. Т. Изучение личности преступника в процессе расследования. — Томск, 1968. — С. 49—59; Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступления. — Минск, 1975. — С. 63—86.

³ См.: Рогачевский Л. А. Характеристика обвиняемого // Советская юстиция. — 1970. — № 20. — С. 7—8.

⁴ См.: Рогачевский Л. А. Один из методов исследования адвокатом личности обвиняемого // Советская юстиция. — 1984. № 12. — С. 12—13. Положения, сформулированные в этой статье, в основном могут быть использованы и в работе следователя.

Биологические особенности человека проявляются прежде всего через тип высшей нервной деятельности. Проявление типа нервной деятельности в поведении именуется темпераментом. Каждому из типов нервной деятельности соответствует определенный тип темперамента (холерический, сангвинический, флегматический и меланхолический), определяющий быстроту или замедленность реакции, интенсивность и продолжительность психического процесса.

В литературе обращалось внимание на необходимость исследования типа нервной деятельности, эмоциональной возбудимости субъекта для установления аффекта в случае совершения преступления¹. Однако это ограничилось лишь постановкой вопроса. Поэтому представляется целесообразным подробнее рассмотреть данное положение.

С точки зрения эмоциональной возбудимости, каждый тип темперамента имеет свои особенности.

Холерики вспыльчивы и отличаются повышенной импульсивностью, раздражительностью и эмоциональной реактивностью. Они склонны к бурным эмоциональным вспышкам, и эмоциональные переживания у них ярко выражены. При эмоциональных обстоятельствах у них может быть затруднен самоконтроль.

У сангвиников возбуждение и торможение уравновешены. Они обладают значительной способностью контролировать и сдерживать свои эмоции.

Флегматики медлительны, невозмутимы, малоэмоциональны и легче сдерживают свои импульсы. Их трудно вывести из равновесия, еще труднее привести в состояние гнева.

Меланхолики чрезвычайно обидчивы и болезненно чувствительны, но в то же время у них эмоциональные реакции на внешние воздействия недостаточно сильны. Они отличаются пониженной активностью, и эмоциональные состояния у них возникают медленно.

Однако следует подчеркнуть, что «чистые» типы темперамента практически не существуют. Обычно встречаются смешанные, переходные типы. Возможны сплавы различных темпераментов — холерического и сангвинического, сангвинического и флегматического и т. д. Иногда встречаются и более

¹ Блувштейн Ю. Д. Личность преступника как предмет криминологического исследования // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 13. — М., 1971. — С. 13. Цветков П. П. Исследование личности обвиняемого (на предварительном следствии и на суде первой инстанции). — Л., 1973. — С. 60—61.

черты флегматического и меланхолического темперамента, а у сангвиника — черты холерика и флегматика. Но во всех таких случаях преобладают черты какого-либо одного из основных типов, который является определяющим в поведении, а остальные проявляются лишь в некоторых случаях, в определенных видах деятельности.

Несмотря на различие между типами темперамента, ни один из них не гарантирует того, что у его обладателя никогда не возникнет состояние аффекта. Изменение обстановки, возникновение неожиданной ситуации может резко изменить степень проявления этих свойств. В экстремальных условиях сильные эмоциональные вспышки, достигающие степени аффекта, могут возникать у людей со всяким типом темперамента.

С точки зрения доказывания аффекта, здесь важно обратить внимание на следующие обстоятельства.

Чем больше разрыв между эмоциональной окраской поступка и эмоциональностью обычного поведения, тем выше степень душевного волнения. Поэтому если человек с флегматическим, а тем более с меланхолическим темпераментом совершает весьма интенсивный, эмоционально яркий поступок, это указывает на то, что он выведен из рамок своего обычного поведения и переживает сильнейшее волнение, каковым может быть аффект.

Знание типа темперамента позволяет не только делать определенные выводы о наличии аффекта, но и правильно понять особенности реагирования субъекта на провокацию.

Холерик реагирует непосредственно вслед за раздражителем, и поэтому состояние эмоциональной вспышки у него может быть при однократном сильном воздействии. У флегматика же разрядка происходит тогда, когда накопившийся процесс возбуждения начинает преодолевать сильное торможение. Поэтому у него эмоциональная вспышка возникает только при многократных, распределенных во времени действиях¹. Отсюда понятно, почему одни люди остаются невозмутимыми при многократных провоцирующих действиях, а другие «взрываются» с первого раза; почему один способен долго переносить психотравмирующую ситуацию, напряженную обстановку, а другой сразу же отвечает на провокацию совершени-

¹ См.: Ковалев А. Г. Психология личности. — 3-е изд. — М., — 1970. — С. 194.

ем преступления. Исходя из этого, можно правильно решать вопрос о том, был ли разрыв во времени между провокацией и ответной реакцией, как повлияла прежняя психотравмирующая ситуация на зарождение аффекта и совершение преступления.

Темперамент — наиболее устойчивая психологическая особенность. Он отражается на всем поведении, поэтому его можно определить, обратившись к анализу деятельности человека в разных областях его социальной жизни. Данные о темпераменте обвиняемого могут быть получены при допросе людей, близко знающих обвиняемого (родственники, воспитатели, сослуживцы), и путем истребования характеристик.

Эмоциональная сфера человека претерпевает значительные изменения в ходе его возрастного развития. Это — закономерный процесс, обусловленный как физическим и интеллектуальным ростом, так и развитием личности. В разные возрастные периоды отмечается усилением или, наоборот, ослабление импульсивности, что, естественно, по-разному отражается на возникновении аффекта.

Подростки более эмоциональны, чем взрослые. Они очень импульсивны, возбудимы, и у них особенно резко проявляется аффект гнева. Применительно к различным возрастным этапам несовершеннолетних необходимо отметить следующее.

Для подростков (от 11—12 до 15 лет) характерна повышенная возбудимость, неуравновешенность с преобладанием возбуждения над торможением, что отражается на характере протекания эмоций — они имеют резкое и бурное выражение. Часто именно в такой форме подростки реагируют на несправедливость или оскорбление.

В дальнейшем при вступлении в возраст ранней юности (15—18 лет) человек приобретает способность преодолевать свойственную подросткам произвольность, импульсивность в проявлении чувств. Однако и в этом возрасте еще наблюдается высокая эмоциональность.

Одним из факторов совершения подростком преступления в состоянии аффекта может явиться ускоренное физическое и половое развитие (акселерация). У подростков с акселерацией явления аффективной неуравновешенности наблюдаются чаще, чем у детей с обычным темпом созревания.

3. Возникновению аффекта могут способствовать отклонения от нормы в состоянии здоровья. На основе научных исследований было доказано, что недостаточно хорошее здоровье приводит к усилению эмоциональных реакций, поскольку эмо-

циональный потенциал ослаблен. В частности, в отношении эмоции гнева были сделаны следующие выводы:

а) лица, которые перенесли когда-либо тяжелое заболевание, сильнее реагируют на ситуации, вызывающие гнев, чем те, которые всегда обладали хорошим здоровьем;

б) среди больных лица, имевшие несколько заболеваний, сильнее реагируют на ситуации, которые могут вызвать гнев;

в) большое значение имеет возраст, в котором индивиды перенесли болезнь. Гнев связан преимущественно с заболеваниями, перенесенными в младшем возрасте, т. е. до 6 лет¹.

Следует также учитывать влияние на эмоциональную сферу человека болезней, имевшихся в момент совершения преступления, поскольку многие болезни, как показывают медицинские исследования очень сильно отражаются на ней.

Аффективные нарушения являются обязательной составной частью клинической картины неврозов, представляющих собой состояние хронического эмоционального стресса. Такие же нарушения наблюдаются на различных этапах гипертонической болезни. Лица, страдающие гипертонией, эмоционально лабильны, неуравновешены, подвержены эмоциональным срывам.

Чрезвычайная чувствительность к различного рода внешним раздражителям и крайняя эмоциональная неустойчивость иногда появляются во время заболевания гриппом и после перенесенного гриппа.

Изменения психической деятельности имеются у большинства больных ревматизмом. В этом случае качественные изменения психической деятельности наиболее часто проявляются в астенизации, эмоциональной лабильности, раздражительности².

При язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки всем больным, независимо от их принадлежности к той или иной характерологической группе, присуща эмоциональная напряженность, вспыльчивость, сильные эмоциональные реакции на психотравмирующие воздействия³.

¹ Экспериментальная психология. / Ред.-сост. Фресс П. и Пиаже Ж.—Вып. V.—М., 1975.—С. 186.

² Духовная О. Изменения структуры и динамики психической деятельности при ревматизме // Психологические исследования в практике врачебно-трудовой экспертизы. Вып. 1.—М., 1969.—С. 18—32.

³ Белов В. П. Личность и язвенная болезнь // Психологическое исследование в практике врачебно-трудовой экспертизы.—Вып. 3.—М., 1972.—С. 149—159.

Подобные явления встречаются и при других заболеваниях.

Указанные обстоятельства ставят перед следователем задачу тщательного исследования состояния здоровья обвиняемого. Данные о состоянии здоровья содержатся в амбулаторных картах больных в поликлиниках, в историях болезни, в материалах ВТЭК.

В механизме возникновения аффективной реакции значительную роль могут сыграть различные психические и физические аномалии, присущие человеку.

Особенно важно учитывать аномалии аффективной области, которые встречаются во многих случаях совершения преступлений в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения.

При некоторых заболеваниях (сосудистые заболевания головного мозга и др.) сильные аффективные переживания приводят к некритическому поведению, к ошибкам в оценке ситуации. Неустойчивость эмоций, неадекватность эмоциональной реакции силе полученного раздражения наблюдается у возбудимых, эмоционально лабильных психопатов. При черепно-мозговых травмах, в частности, у лиц, имеющих повреждение лобных долей мозга, отмечаются значительные изменения аффективной сферы. Им присущи повышенная аффективная возбудимость, вспышки раздражения и ярости, склонность к грубым аффектам и их повышенным разрядам¹. Эмоциональная лабильность отмечается у лиц, перенесших клиническую смерть или опасные для жизни состояния (кровопотери, лекарственные или пищевые отравления, механическая асфиксия и т. п.)².

Данные о психических аномалиях можно получить из медицинских документов. Обширная информация о психическом и неврологическом состоянии обвиняемого содержится в акте судебно-психиатрической экспертизы. Лишь при учете аномалий может быть правильно решен вопрос о наличии аффекта.

¹ Вулдридж Д. Механизмы мозга.—М., 1965.—С. 209; Гордова Т. Н. Отдаленный период закрытой черепно-мозговой травмы в судебно-психиатрическом аспекте.—М., 1973; Калинин С. С. Психические нарушения при отдаленных последствиях черепно-мозговой травмы.—Л., 1974.

² Голодец Р. Г., Лыга Н. Н. Нервно-психические изменения и их динамика у лиц, перенесших опасные для жизни состояния // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова.—1974.—Т. 74.—Вып. 2.—С. 227—232.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по делу Екимова наряду с другими доказательствами отметил копию свидетельства о болезни осужденного, где указывалось, что он после травмы головы «эмоционально неустойчив, вспыльчив, крайне раздражителен», страдает посттравматической энцефалопатией. Пленум подчеркнул, что все эти данные в совокупности с другими обстоятельствами дела дают основание признать, что Екимов совершил указанные в приговоре преступные действия в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием со стороны потерпевшего¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР переквалифицировала действия Белозеровой со ст. 103 на ст. 104 УК РСФСР, с учетом того обстоятельства, что Белозерова «аффективно неустойчива, обнаруживает психопатические черты характера»².

На формирование и развитие индивидуально-психологических особенностей оказывают влияние физические недостатки человека. Такие дефекты физического развития, как горб, ожирение, аномальный рост, косметические дефекты, физические уродства отдельных частей тела, заикание и некоторые другие, нарушают общение и влияют на выработку у субъекта особого, очень обостренного отношения к оценке другими лицами этих пороков, формируют определенные черты характера (злобность, замкнутость)³. Так, например, у лиц, страдающих заиканием, в ответ на насмешки над их дефектом иногда вырабатывается оборонительно-агрессивная реакция, выражающаяся в озлобленности, склонности к драчливости в связи с насмешками. Для них характерны сильная реакция на свой речевой дефект и склонность к аффективным вспышкам. Повышенная раздражительность отмечается также у слепых.

При провокации в форме насилия или иного противоправного действия, связанного с причинением физической боли, следует учитывать индивидуальное восприятие боли обвиняемым.

Ни одно из известных ощущений не связано с сильными отрицательными эмоциями так, как боль. «Боль ошеломляет

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1973. — № 3. — С. 27.

² Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1986. — № 10. — С. 4.

³ См.: Миньковский Г. М., Ратинов А. Р. О роли биологического в личности преступника и преступном поведении // Соотношение биологического и социального в человеке. — М., 1975. — С. 494.

человека. Она требует немедленного вмешательства, безотлагательного действия. Она ломает поведение, толкает на непредвиденные поступки, изменяет и извращает оценку действительности»¹.

В случае причинения физической боли необходимо учитывать обстоятельства объективного и субъективного порядка.

Прежде всего следует иметь в виду, что в протекание эмоционального процесса существенные изменения вносит познание причинной обусловленности непосредственного эмоционального воздействия. Одна и та же физическая боль вызывает разную реакцию: досаду — если человек причинил ее себе сам, возмущение — если она причинена чьим-то неосторожным движением, гнев — если человек убежден, что боль ему доставлена сознательно, намеренно².

Кроме того, надо учитывать, что у каждого человека болевой чувствительности, и если на этом фоне причиняется по порогу болевого ощущения и интервалу выносливости боли³. Одни стойко переносят сильную боль, сохраняя внешнее спокойствие, другие в ответ на такие же раздражения дают бурную аффективную вспышку. Это зависит от многих факторов.

В значительной степени поведение человека в ответ на болевое раздражение зависит от типа нервной деятельности. У возбудимых людей реакция на боль иногда принимает бурный аффективный характер⁴. Но даже у одного и того же человека в разных условиях и при разных обстоятельствах изменяется интенсивность болевого ощущения. Болевая чувствительность зависит от возраста. На нее влияют некоторые физиологические состояния. Например, беременность снижает выносливость к боли. Пороги болевого ощущения меняются даже в зависимости от времени суток — к ночи болевая чувствительность повышается.

Переносимость боли во многом зависит от психологической настроенности, эмоционального состояния человека, одновременного воздействия нескольких факторов. Поэтому если человек уже выведен из душевного равновесия острой ситуацией (скандалом, оскорблением) и взволнован, то восприим-

¹ Кассиль Г. Н. Наука о боли. — 2-е изд. — М., 1975. — С. 11.

² См.: Виллюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. — М., 1976. — С. 62.

³ См.: Квасов С. В., Яблоков М. К. Оценка болевого ощущения и пространственная синхронизация биопотенциалов мозга // Вопросы психологии. — 1979. — № 1. — С. 95.

⁴ Кассиль Г. Н. Указ. соч. — С. 207—208.

чивость к болевому ощущению может повыситься и для аффективной вспышки может оказаться достаточным и не очень интенсивное насилие.

На изменение порога болевой чувствительности оказывают влияние ситуационные факторы. Данные физиологии и психологии говорят о том, что эмоциональное состояние типа страха резко усиливает реакцию на боль, снижает порог болевой чувствительности и если на этом фоне причиняется боль, то она ощущается сильнее.

Необходимо иметь в виду, что некоторые люди обладают повышенной чувствительностью к боли (гипералгезия) и судебной практике известны такие случаи¹. У этих лиц реакция на боль значительно сильнее и протекает очень бурно.

Данные о причинении обвиняемому боли могут быть получены при его допросе и из показаний свидетелей. Болевое воздействие через вегетативную нервную систему вызывает определенные функциональные изменения (побледнение лица, расширение зрачков и др.), по которым до некоторой степени можно определить интенсивность боли. Если боль очень острая, то она может сопровождаться криком.

4. В ряде случаев возникновению аффективной вспышки может способствовать наличие у обвиняемого в данный момент ослабляющих соматических факторов. Например, особенности женского организма требуют учитывать ряд явлений. Во время менструального цикла происходит изменение всех функциональных систем организма, и в этот период отмечаются резкие изменения настроения и раздражительность. Повышенная раздражительность в ряде случаев отмечается при климаксе. В период беременности становятся неустойчивыми нервно-психические реакции на внешние раздражители. Это особенно заметно, если беременность имеет осложнения (например токсикоз)².

Наурским районным народным судом Чечено-Ингушской АССР Пак была осуждена по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР в связи с тем, что в процессе ссоры со свекром Кимом схватила с плиты чайник с кипятком и бросила в него, от чего потерпевший получил обширные термические ожоги и скончался.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР.—1971.—№ 2.—С. 25.

² См.: Многотомное руководство по акушерству и гинекологии. Т. 2. — Кн. 1.—М., 1963.—С. 191. Бакшеев Н. С. Клинические лекции по акушерству.—М., 1972. С. 132. Змановский Ю. Ф. Возрастные нейрофизиологические особенности и климактерические расстройства у женщин. М., 1975.—С. 108. Болягина В. И., Жмакин К. Н.—Гинекология.—3-е изд. М., 1977.—С. 17.

Заместитель Председателя Верховного Суда РСФСР внес в президиум Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР протест об изменении приговора: переквалификации действий Пак с ч. 2 ст. 108 на ст. 110 УК РСФСР.

Президиум, удовлетворяя протест, указал, что обстоятельства дела и поведение Пак, находившейся во время совершения преступления в состоянии беременности, сопровождавшейся токсикозом, свидетельствуют о том, что причинение тяжких телесных повреждений Киму, повлекших смерть, имело место в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего¹.

При доказывании аффекта следует учитывать состояние утомления, усталости, снижающих волю и самообладание. Отмечено, что у подростков вспышки отмечаются во второй половине дня, в конце учебной недели².

Значительные изменения в эмоциональной сфере человека также могут появляться при длительном пребывании в трудных специфических условиях. Так, при многомесячном дальнем плавании на морских судах у членов команды после двух месяцев нахождения в открытом море может наступить особая эмоциональная напряженность. Постоянно действующие факторы — качка, вибрация, психосенсорный голод — создают стрессовые нагрузки. Длительное и сильное состояние стресса нарушает привычные физиологические и психологические стереотипы поведения, обостряет эмоциональную неустойчивость, приводит к нервно-эмоциональным срывам, облегчает возможность возникновения аффекта³. Подобные явления могут наблюдаться и в других замкнутых коллективах (зимовки, длительные экспедиции и т. п.).

§ 5. УЧАСТИЕ ПСИХОЛОГА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ АФФЕКТА

Психолог в процессуальной роли специалиста

Своеобразие и сложность установления эмоционального состояния обвиняемого при допросах ставит перед следовате-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1983.—№ 7.—С. 12—13.

² См.: Сосновикова Ю. Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика.—Горький.—1975.—С. 56.

³ См.: Бассин Ф., Рожнов В., Рожнова М. Некоторые вопросы эмоциональной напряженности // Коммунист.—1974.—№ 14.—С. 69; Страхов А. П. Адаптация моряков в длительных океанских плаваниях.—Л., 1976.—С. 41—44, 48.

лем задачу более точного выявления и фиксации всех проявлений аффекта. Так как речь идет о психологических явлениях, то значительную помощь следователю может оказать психолог, присутствующий при допросе. В этом случае психолог выступает в роли специалиста, т. е. особой процессуальной фигуры, предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством.

Однако такая постановка вопроса наталкивается на некоторые трудности. Часть 1 ст. 133¹ УПК РСФСР указывает, что в случаях, предусмотренных кодексом, следователь вправе вызвать для участия в производстве следственного действия специалиста, не заинтересованного в исходе дела. В то же время УПК РСФСР, предусматривая участие специалиста в ряде следственных у судебных действий (ст. ст. 170, 174, 179, 183, 186, 291, 293), не говорит о допросе. Исходя из этого, некоторые авторы полагают, что специалист может участвовать только при проведении следственных действий, прямо указанных в законе¹. Отсюда следует вывод, что поскольку непосредственно в законе не говорится об участии специалиста в допросе, постольку в этом случае нельзя прибегать к его помощи.

Представляется, что эта точка зрения основана на узком понимании термина «специалист». По мнению ее сторонников, специалист — процессуальная фигура, указанная лишь в названных статьях УПК РСФСР. Но фактически понятие «специалист» шире. К специалистам в процессуальном смысле слова относятся педагог (ст.ст. 159, 285, 397), врач (ст.ст. 180, 181), переводчик (ст.ст. 17, 57, 134, 151). В этом нас убеждает анализ статей УПК РСФСР, регулирующих деятельность всех этих участников процесса².

Так, педагог и переводчик — процессуальные фигуры, обладающие специальными знаниями в той области, в которой

¹ Эйсмэн А. А. Структура и логические свойства норм, регулирующих собирание доказательств на предварительном следствии // Вопросы борьбы с преступностью. — Вып. 26. — М., 1977. — С. 119; Арсеньев В. П., Заблочкин В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. — Красноярск, 1986. — С. 72.

² См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе. — 2-е изд. — М., 1973. — С. 704; Махов В. Специалист в суде // Советская юстиция. — 1973. — № 13. — С. 27; Саркисянц Г. П. Переводчик в советском уголовном процессе. — Ташкент, 1974. — С. 63; Морозов Г. Е. Участие специалиста в стадии предварительного расследования. — Саратов. — 1976. — С. 12—15.

они получили соответствующую подготовку (педагогика и детская психология, сурдопедагогика и сурдопсихология, лингвистика). Эти знания помогают установить контакт с допрашиваемым и получить максимум информации, связанной с обстоятельствами совершенного преступления. Таким образом, хотя в статьях УПК РСФСР, регламентирующих общий порядок проведения допроса, специалист не упомянут, он в ряде случаев фактически допущен к участию в допросах под иным наименованием (педагог, переводчик).

Следует обратить внимание и на другое обстоятельство.

Из анализа УПК РСФСР и прежде всего ст. 133¹ вытекает, что уголовно-процессуальный закон не содержит прямого запрета привлекать специалистов в иных случаях допросов. Нерегламентированность же рассматриваемого вопроса в законе не исключает возможность его положительного решения в следственной (и судебной) практике, в целях полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела. Ряд процессуальных действий, прямо не указанных в УПК РСФСР (назначение комплексной экспертизы, проверка показаний на месте и др.), широко используются на практике и ныне ни у кого не вызывают сомнения в своей обоснованности и нужности. Отсюда следует, что не противоречит закону и поэтому возможно привлечение к участию в допросе иных специалистов, в том числе и психологов. Причем, это допустимо не только при допросе несовершеннолетних, глухонемых и лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, но и при допросе любого другого обвиняемого и свидетеля. Именно поэтому практика идет по пути привлечения специалистов к участию в допросах¹. Результаты одного из проведенных исследований показали, что за участие специалиста в допросе свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых высказывались 73 процента следственных работников².

В соответствии с законом (ч. 3 ст. 133¹ УПК РСФСР) специалист, участвуя в производстве следственного действия, ис-

¹ Морозов Г. Е. Роль специалиста в производстве процессуальных и профилактических действий в стадии предварительного расследования.— Хабаровск, 1985.—С. 23; Сорокоотягин И. Н. Специальные познания в расследовании преступлений.—Ростов-на-Дону, 1984.—С. 25.

² См.: Морозов Г. Е. Роль специалиста в производстве процессуальных и профилактических действий в стадии предварительного расследования.— Хабаровск, 1985.—С. 23.

пользует свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, обращает внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств, дает пояснения о выполняемых им действиях. При проверке версии об аффекте психолог, участвуя в допросе, обращает внимание следователя на обстоятельства, которые могут служить доказательствами наличия аффекта и поэтому должны быть обязательно выявлены и закреплены.

При допросе обвиняемого психолог помогает выяснить все обстоятельства конфликтной ситуации, отразить в протоколе допроса специфические изменения в сознании обвиняемого и вегетативные изменения, которые обвиняемый испытал во время аффекта. Он помогает установить наличие частичной амнезии, степень «сужения» сознания, определить время протекания аффекта относительно конкретных обстоятельств ситуации. Наконец, психолог ориентирует следователя на выяснение индивидуальных особенностей обвиняемого, его физических и психических аномалий, а также ослабляющих факторов, которые облегчили возникновение аффекта.

При допросе свидетелей психолог оказывает следователю помощь в выявлении всех индикаторов эмоционального состояния обвиняемого (вегетативных, мимических, пантомимических, речевых). Задавая с разрешения следователя вопросы свидетелю, он выявляет те обстоятельства, которые являются существенными при определении эмоционального состояния обвиняемого, поскольку может поставить вопрос профессионально, психологически точно, целенаправленно.

Психолог помогает добиться детальной расшифровки показаний свидетелей о внешних проявлениях аффекта. Он правильно учитывает возрастные, половые, профессиональные особенности свидетеля, влияющие на способность распознавать эмоциональные состояния. Он же может оказать помощь в том, как правильно отразить в протоколе показания допрашиваемого, которые с наибольшей полнотой и ясностью показывают эмоциональное состояние обвиняемого.

Психолог способен оказать и иную помощь. На основании данных, полученных при допросах обвиняемого и свидетелей, он может обратить внимание следователя на то, какие еще доказательства и где можно получить (допросы других лиц, характеристики, документы о состоянии здоровья и др.). Используя психологическую терминологию, он помогает сформулировать вопросы экспертам при назначении экспертиз. В ко-

нечном итоге специалист-психолог оказывает следователю реальную, весьма ощутимую помощь в конструировании и проверке всей системы доказательств наличия аффекта. Содействие специалиста-психолога может оказаться необходимым при составлении следователем процессуальных документов, в которых дается психологическая интерпретация установленных при расследовании фактов (постановление о прекращении уголовного дела, обвинительное заключение).

Таким образом, при исследовании версии о совершении преступления в состоянии аффекта участие специалиста-психолога в уголовном судопроизводстве является крайне необходимым.

Судебно-психологическая экспертиза как средство доказывания аффекта

1. Назначение экспертизы. Физиологический аффект как психологическое явление имеет определенные признаки, проявляющиеся в его структуре и динамике, специфических (физиологических и психологических) показателях, характеристики которых не зависят от усмотрения лица, устанавливающего его (в данном случае — следователя). Следовательно, физиологический аффект относится к области специальных познаний, и решение вопроса об аффективном состоянии обвиняемого в момент совершения преступления, входит в компетенцию лица, обладающего необходимыми познаниями, — психолога. Там, где необходимы специальные познания в науке, должна быть назначена экспертиза. В рассматриваемом нами случае должна быть проведена судебно-психологическая экспертиза.

В настоящее время многое сделано в разработке теории и методики судебно-психологической экспертизы, в том числе и судебно-психологической экспертизы аффекта¹.

Но несмотря на достигнутые успехи и стоящую перед советским судопроизводством задачу использования достижений психологической науки, следователи все еще редко назначают судебно-психологическую экспертизу для установления аф-

¹ См.: Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. — М., 1980.; Рогачевский Л. А. Судебно-психологическая экспертиза как средство доказывания аффекта // Советская юстиция. — 1982. — № 18. — С. 22—24; Ситковская О. Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. — М., — 1983. Нор В. Т., Костицкий М. В.; Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. — Киев, 1985; Костицкий М. В. Судебно-психологическая экспертиза. — Львов, 1987.

фекта, и выводы о наличии такого состояния делаются без использования данных науки. Такое положение представляется неправильным.

Суждения следователя по любому психологическому вопросу, в том числе и по вопросу об аффекте, выражают лишь некоторый житейский опыт. Специальные же познания — это знания необщезвестные, необщедоступные, не имеющие массового распространения, это знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов¹.

Рассмотрение аффекта как психологического феномена показывает сложность констатации этого состояния. На пути к выводу о наличии аффекта встречается много трудных промежуточных вопросов, решить которые может лишь психолог. Остановимся только на некоторых из них.

В ряде случаев судебно-психологическая экспертиза не проводится по причине «очевидности» физиологического аффекта. Действительно, показания обвиняемого и свидетелей в сочетании с другими доказательствами часто дают яркую картину душевного волнения, но согласно требованиям ст.ст. 104, 110 УК РСФСР у обвиняемого должно быть не любое, а именно внезапно возникшее сильное душевное волнение, иначе говоря, волнение должно иметь характер физиологического аффекта. Но практические работники не всегда ясно понимают, что такое физиологический аффект. Например, в одном уголовном деле говорилось, что виновный «совершил преступление в состоянии физиологического аффекта и внезапно возникшего сильного душевного волнения»¹. Такая формулировка показывает отсутствие правильного представления о рассматриваемом психологическом явлении.

Разграничивая «простое возбуждение» и физиологический аффект (внезапно возникшее сильное душевное волнение), следователи и суды не указывают, какими критериями они при этом руководствуются, и никак не обосновывают это разграничение². И это вполне понятно. Решение вопроса о наличии или отсутствии физиологического аффекта в момент совершения преступления даже для специалиста-психолога представляет трудности. Следовательно тем более лишен воз-

¹ См.: Эйсман А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). — М., 1967. — С. 91.

² Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. — 1964. — 1972, — М., 1974. — С. 502.

³ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1974. — № 1. — С. 10.

возможности дать научно обоснованную аргументацию утверждения о наличии или отсутствии аффекта.

С другой стороны, установление действительно весьма сильного волнения не исключает ошибки иного рода. Иногда приходится решать вопрос о разграничении физиологического и патологического аффектов. Кроме того, встречаются другие состояния, при которых совершаются преступления и которые должны быть отграничены от патологического и физиологического аффектов, например, так называемые взрывные реакции возбудимых психопатов. Такая взрывная реакция возникает чаще всего тоже в ответ на непосредственную обиду или оскорбление, нанесенные психопату.

Трудности вносят существующие виды патологии эмоциональных состояний: аффективно суженное состояние истерического типа, так называемая реакция короткого замыкания, особые состояния при травмах головного мозга и с кратковременными изменениями сознания. Их отграничение от физиологического аффекта все еще продолжает оставаться затруднительным даже для специалистов¹.

Физиологический аффект надо отличать от других психических состояний. Некоторые психофизиологические признаки физиологического аффекта характерны для ряда других состояний человека (стресс, фрустрация), вследствие чего разграничить эти состояния можно только путем специальных психологических исследований².

При физиологическом аффекте наступает частичная амнезия, так как отдельные события, действия вытесняются из сознания. Это приводит к предположению о том, не было ли здесь патологического аффекта, или, наоборот, не старается ли субъект намеренно ввести в заблуждение следствие. Наличие такого явления может быть установлено только путем применения специальных психологических методов исследования в рамках судебно-психологической экспертизы³.

¹ Степуненкова В. К., Станишевская Н. Н. Значение экспертного исследования индивидуально-психологических особенностей личности субъекта преступления // Актуальные вопросы теории судебной экспертизы. — М., 1976. С. 133—134; Печерникова Т. П., Доброгаева М. С. Исключительные состояния в судебно-психиатрической практике // Судебная медицина. — 1986. — № 3. — С. 43—45.

² Степуненкова В. К., Станишевская Н. Н. Указ. соч. — С. 132.

³ Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза физиологического аффекта // Труды Высшей школы МВД СССР. — Вып. 36. — М., 1974. — С. 48.

Значительные трудности возникают при определении момента начала аффекта. Иногда аффект может быть отдален во времени относительно провокации. Это объясняется индивидуально-психологическими особенностями субъекта, временным психическим состоянием или другими причинами психологического порядка.

Приведем пример. В приведенном на с. 11 деле по обвинению Войцеховича, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не согласилась с выводом нижестоящего суда об отсутствии элемента внезапности возникновения у Войцеховича аффекта, в частности, потому, что Войцехович, проснувшись около 5 часов утра и проходя на кухню, находился еще в полусонном состоянии. До его сознания сразу не дошел весь смысл происшедшего, когда он увидел жену, лежащую на диване вместе с Георгиевым.

Войцехович показал, что его как будто «обухом стукнули», «дыхание сперло», но он все же пошел на кухню, где стал пить воду, и в этот момент, поняв, что произошло, и заметив топор, взял его и сразу же направился в комнату, где и совершил убийство.

С учетом этого Судебная коллегия Верховного Суда СССР пришла к выводу, что действия Войцеховича следует рассматривать как убийство и покушение на убийство, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, и квалифицировала эти действия по ст.ст. 101 и 15—101 УК Латвийской ССР¹.

Чтобы правильно понять такие случаи и объяснить внезапность возникновения сильного душевного волнения, нужно всесторонне изучить особенности субъекта, характеристики ситуации, а это может квалифицированно сделать только психолог при достаточно глубоком исследовании.

Момент окончания аффекта определить также сложно. Аффект может проходить постепенно, переходить в стойкое длительное состояние с отрицательным отношением к тому, что вызвало аффект. Вместе с тем точное установление момента окончания аффекта необходимо, поскольку для квалификации преступления по ст. ст. 104 или 110 УК РСФСР нужно чтобы деяние было совершено в состоянии аффекта, т. е. до его окончания.

Рассмотрение лишь небольшой части вопросов, подлежащих выяснению для установления подлинного состояния об-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1969. — № 5. — С. 28—30.

виняемого, показывает, что их решение требует такого уровня знаний, которым обладает только психолог. Недостаточная психологическая подготовка следователей может привести к грубым ошибкам — упрощенному представлению о сложных психических явлениях и неправильным выводам¹. Это может выражаться, например, в неправильном понимании и толковании отдельных психологических явлений. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Стрижнева указывалось: «Не имеется оснований и для предположения, что убийство Татьяны Фурсенко было совершено Стрижневым в порыве внезапно охватившего его гнева, когда он с ней находился в огороде ее дома. Из показаний свидетелей видно, что Стрижнев был «как барышня» отличался спокойным и незлобным характером»². Но, как отмечалось выше, никакие индивидуально-психологические свойства человека, никакой тип темперамента не исключают возможности возникновения аффекта при определенных обстоятельствах.

Таким образом, следователь не должен уклоняться от назначения судебно-психологической экспертизы, исходя из того, что наличие или отсутствие аффекта, по его мнению, установлено имеющимися доказательствами. Надо иметь в виду, что факты, собранные в ходе следствия, подлежат психологической интерпретации, а это можно сделать только при их экспертной оценке.

Существенное значение имеет вопрос о том, кто должен проводить экспертное исследование эмоционального состояния обвиняемого. Известно, что в качестве экспертов могут выступать только лица, компетентные в разрешении вопросов, относящихся к предмету экспертизы. Поэтому совершенно очевидно, что судебно-психологическая экспертиза может быть поручена лишь психологу.

Нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что для определения психического состояния обвиняемого в случае совершения аффективного преступления необходима судебно-психиатрическая экспертиза³. Неправильна альтернативная постановка вопроса: или судебно-психиатрическая или судебно-психологическая экспертиза⁴. Нельзя принять и ре-

¹ См.: Зейгарник Б. В. Патопсихология. — М., 1976. — С. 9.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1959. — № 5. — С. 22.

³ См.: Измаилов И. А. Ответственность за причинение тяжких телесных повреждений по советскому уголовному праву. — Баку, 1969. — С. 108—109.

⁴ См.: Гин А. Защита по делам о причинении тяжких телесных повреждений // Советская юстиция. — 1972. — № 6. — С. 15.

комендацию о привлечении психиатров для проведения психологической экспертизы как временной меры, пока не будет подготовлено достаточное количество судебных психологов¹. Дело в том, что судебные психиатры являются представителями иной науки, исследуют патологические явления и поэтому не компетентны решать психологические вопросы. Как отмечают Б. В. Зейгарник и С. Я. Рубинштейн, обращение психиатров к психологическим исследованиям имеет далеко не безобидный для практики характер².

В литературе высказаны обоснованные возражения против привлечения психиатров к проведению психологических экспертиз и даже сами психиатры оклоняются к мысли о том, что вопрос о физиологическом аффекте (внезапно возникшем сильном душевном волнении) не входит в компетенцию эксперта-психиатра³.

Признавая, что решение всех вопросов о физиологическом аффекте относится к сфере судебно-психологической экспертизы, следует отметить целесообразность назначения в отдельных случаях комплексной психолого-психиатрической экспертизы⁴. Участие психиатров необходимо в случаях диагностики физиологического аффекта у психически больных в случаях, когда есть основания предполагать, что субъект находился в состоянии патологического аффекта, а также при решении некоторых других вопросов. Но и здесь ответить на вопрос о том, находился ли субъект в момент совершения своих действий в состоянии физиологического аффекта, призван эксперт-психолог, а эксперт-психиатр должен воздержаться от

¹ См.: Дагель П., Резниченко И. Вопросы компетенции и организации судебно-психологической экспертизы // Советская юстиция.—1970.—№ 1.—С. 9.

² Зейгарник Б. В., Рубинштейн С. Я. Методологические проблемы медицинской психологии.—Вопросы психологии.—1977.—№ 6.—С. 130.

³ Зимарин В., Попов И. Проведение психологической экспертизы // Советская юстиция.—1974.—№ 5.—С. 19; Шостакович Б. В., Печерникова Т. П., Остришко В. В. Острые аффективные реакции и их судебно-психиатрическое значение // В сб. Вопросы судебно-психиатрической экспертизы.—М., 1974.—С. 89—90.

⁴ См.: Печерникова Т. П., Кудрявцев П., Криворучко С. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза // Социалистическая законность.—1980.—№ 1.—С. 38—39; Печерникова Т. П., Гульдан В. В., Остришко В. В. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза аффективных реакций у психически здоровых и психопатических личностей // Судебная медицина.—1985.—№ 1.—С. 35—39 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР.—1982.—№ 10.—С. 5.

дачи заключения по этому вопросу, так как этот вопрос выходит за пределы специальных познаний эксперта-психиатра.

При назначении судебно-психологической экспертизы в постановлении следует отметить установленные в ходе расследования основные моменты, повлекшие, по мнению следователя, сильное эмоциональное возбуждение у субъекта преступления. Обязательно нужно указать ситуацию, при которой возникло возбуждение. Необходимо включить в текст постановления факты, свидетельствующие о влиянии возбуждения на сознание и о внешних проявлениях возбуждения.

Наконец, должны быть отмечены особенности динамики общественно-опасных действий субъекта, позволяющие предположить аффективный механизм этих действий.

Большое внимание должно быть уделено постановке вопросов эксперту. Помимо общих требований, предъявляемых к формулировке вопросов (ясность, определенность, логическая последовательность, запрещение ставить вопросы, имеющие юридический характер и т. п.), нужно, чтобы эти вопросы не выходили за пределы специальных познаний эксперта (ст. 78 УПК РСФСР). Следовательно, в данном случае должны быть поставлены только психологические вопросы.

Основным является вопрос о том, находилось ли лицо в момент совершения инкриминируемого ему деяния в состоянии физиологического аффекта. В ряде случаев могут быть поставлены и другие вопросы.

Так, если аффект отдален во времени относительно провокации (как в указанном выше деле Войцеховича), следует поставить вопрос о том, как происходило осознание ситуации и формирование аффективного состояния у данного субъекта, чем объясняется задержка возникновения аффекта. Здесь может быть поставлен вопрос: «Обладает ли обвиняемый такими особенностями, которые способствовали задержке аффективной реакции?».

Бывают преступления, совершению которых предшествовала длительная психотравмирующая ситуация. В таких случаях может оказаться важным вопрос о том, не имела ли данная ситуация аффектогенного характера.

Перед экспертом-психологом может быть поставлен вопрос о психологической трактовке аффектогенной ситуации (провокации) в свете личностных особенностей субъекта преступления (например, его неадекватной самооценки) и о степени личностной значимости данной ситуации для него. Она может быть сформулирована так: «Учитывая индивидуальные

особенности обвиняемого и субъективную значимость для него действий потерпевшего, можно ли считать, что последние носили аффектогенный характер?»

В ряде случаев возникает вопрос о влиянии психических или физических аномалий обвиняемого на его эмоциональную сферу, роли ослабляющих факторов (болезнь, переносимость боли, стрессовая обстановка и др.). При этом данные обстоятельства, поскольку они установлены в ходе расследования, указываются в описательной части постановления о назначении судебно-психологической экспертизы, а вопрос формулируется примерно в таком виде: «Какие индивидуальные особенности обвиняемого способствовали возникновению аффекта? Какое влияние на эмоциональное состояние обвиняемого в такой-то ситуации оказало имеющееся у него заболевание?».

Если обвиняемый совершил преступление в связи с действиями потерпевшего в отношении третьего лица, перед экспертом-психологом может быть поставлен такой вопрос: «Могли ли личностные отношения, сложившиеся между обвиняемым и Н. (третьим лицом), повлиять в данной ситуации на возникновение аффекта у обвиняемого?».

Для того чтобы заключение судебно-психологической экспертизы было достаточно обоснованным, необходимо в распоряжение эксперта представить в наиболее полном виде данные обо всех тех обстоятельствах, которые названы выше — в §§ 2—4. Дело в том, что основным методом диагностики физиологического аффекта является, как отмечают психологи (М. М. Коченов, О. Д. Ситковская), ретроспективный психологический анализ, проводимый по материалам уголовного дела. Если судебно-психологическая экспертиза будет назначена, то полученные данные поступят в распоряжение эксперта. И чем полнее в материалах уголовного дела представлены сведения о личности и индивидуальных особенностях обвиняемого, его поведении в конфликтных ситуациях вообще и в момент преступления в частности, а также сразу после него, тем аргументированнее и убедительнее будут выводы эксперта.

Предлагается примерный образец постановления о назначении судебно-психологической экспертизы.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ленинград

29 июля 1987 г.

Следователь прокуратуры
района Ленинграда, юрист 2-го класса Алексеев Б. В., рас-
смотрев материалы уголовного дела № _____,

УСТАНОВИЛ:

Афанасьева Г. П. и ее муж Афанасьев Ю. С. на протяжении последних двух лет систематически ссорились. Афанасьев часто приходил домой в нетрезвом состоянии, оскорблял жену, бил ее и девятилетнего сына, страдающего хроническим заболеванием. Во время ссоры 20 мая 1987 г. Афанасьев умышленно плеснул на жену кипятком, чем причинил ей ожог левого бедра.

17 июня 1987 г. в 22 часа Афанасьев пришел домой со своими знакомыми Нестеренко и Павловым. Они втроем на кухне стали распивать спиртные напитки и включили магнитофон. Афанасьева сказала мужу, что ребенок болен, у него высокая температура, и попросила Нестеренко и Павлова уйти. Когда Нестеренко и Павлов ушли, Афанасьев на кухне стал ругать жену, угрожал ей избиением, оскорбил ее и сына нецензурными словами, а затем неожиданно сильно ударил жену кулаком в плечо. От удара Афанасьева стукнулась обожженным бедром о кухонный стол и закричала от боли.

Сын Афанасьевых — Толя Афанасьев — во время ссоры родителей поднялся с кровати, вышел на кухню и видел происходившее. Он показал, что когда мать закричала от боли, отец стал сильно смеяться. В это время мать взяла со стола нож и ударила отца в живот, а затем бросила нож на пол. Отец вскрикнул, пошел в коридор и там упал.

В ходе допросов Афанасьева пояснила, что помнит события 17 июня 1987 г. «отрывочно». Удар мужа и боль от удара о стол вызвали у нее «как будто прилив крови к голове», а затем «все затуманилось». Не помнит, как ударила мужа ножом. Осознала обстановку только в тот момент, когда муж упал в коридоре. Увидев, что муж истекает кровью, побежала к соседям Воробьевым, чтобы вызвать по телефону врача.

Свидетели Воробьева Н. Н. и Воробьев Б. Ф. показали, что Афанасьева была испуганной, «в глазах был ужас». Она выглядела «как ненормальная», говорила бессвязно, «вся

тряслась» и только через несколько минут смогла объяснить, что нужно вызвать врача и милицию.

Воробьевы пошли в квартиру Афанасьевых и увидели лежавшего Афанасьева. Он был жив. Воробьева, увидев кровь, стала снимать с Афанасьева рубашку, чтобы остановить кровотечение, а Воробьев побежал звонить на станцию скорой помощи и в милицию. Позвонив, он вернулся в квартиру Афанасьевых. Афанасьев скончался до приезда врача.

Воробьевы пояснили, что все их действия продолжались около 10—15 минут. Когда они вернулись в свою квартиру, то увидели, что Афанасьева в коридоре сидит на полу, прислонившись к стене, и спит. Они с трудом разбудили ее, стали спрашивать, что случилось с ее мужем, но она смотрела на них «ничего не понимая», спрашивала, почему она оказалась у них в квартире, а затем заплакала.

Согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы, Афанасьева психическим заболеванием не страдает и в отношении инкриминируемого ей деяния вменяема.

Однако ряд необычных обстоятельств, связанных с нанесением Афанасьевой удара ножом мужу и ее дальнейшим поведением, позволяющих предположить у нее состояние аффекта при совершении преступления, требуют специальных познаний в области психологии для установления особенностей психического состояния Афанасьевой в момент совершения ею преступления.

На основании изложенного, руководствуясь ст.ст. 78, 184 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Назначить по уголовному делу № _____ по обвинению Афанасьевой Г. П. судебно-психологическую экспертизу, поставив на ее разрешение вопрос:

Находила ли Афанасьева Г. П. в момент нанесения удара ножом мужу в состоянии физиологического аффекта?

2. Поручить производство экспертизы доценту кафедры общей психологии психологического факультета Ленинградского государственного университета, кандидату психологических наук Николаеву Е. П.

3. Представить эксперту для изучения материалы уголовного дела в 1 томе (на 182 листах) и возможность провести обследование обвиняемой Афанасьевой Г. П. в следственном изоляторе.

4. Разъяснить эксперту Николаеву Е. П. права и обязанности, предусмотренные ст. 82 УПК РСФСР, и предупредить его об ответственности за дачу заведомо ложного заключения и за отказ или уклонение от дачи заключения по ст. ст. 181, 182 УК РСФСР.

Следователь прокуратуры

..... района, юрист 2-го класса

Алексеев Б. В.

Основное, на что хотелось бы обратить внимание в приведенном образце постановления, — это его описательно-мотивировочная часть. Этот раздел чаще всего имеет недостатки. Здесь нужно детально описать конфликтную обстановку вообще, криминальную ситуацию в особенности и показать те признаки в поведении виновного при совершении преступления и сразу после него, из которых усматривается, по мнению следователя, вероятность аффективного состояния обвиняемого. Именно эти признаки и являются основанием для назначения судебно-психологической экспертизы. Поэтому их нужно умело выявлять, закреплять в ходе расследования, прежде всего при допросах свидетелей — очевидцев такого поведения обвиняемого.

2. *Оценка заключения эксперта.* Очевидно, что заключение судебно-психологической экспертизы используется в процессе доказывания.

Для того чтобы успешно использовать заключение эксперта, следователь должен уяснить сущность экспертного исследования и правильно оценить выводы эксперта.

Согласно ст. 71 УПК РСФСР, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 1 от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» обратил внимание судов на необходимость устранения случаев не критического отношения к заключению эксперта¹. Заключение эксперта-психолога не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами (показаниями обвиняемого, свидетелей и т. д.) и должно подвергаться проверке и оценке.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР.—1924—1977.—Ч. 2.—М., 1978.—С. 340.

Не останавливаясь на всем комплексе вопросов оценки заключения эксперта¹, отметим некоторые основные моменты процесса проверки и оценки следователем заключения эксперта-психолога.

При проверке акта экспертизы (а не только заключения) прежде всего следует обратить внимание на полноту использования экспертом представленных ему материалов уголовного дела. Если эксперт использовал не все материалы, то это может повлечь за собой недостаточность аргументации заключения или даже ошибочность выводов.

Заключение эксперта должно быть рассмотрено и оценено с точки зрения полноты и всесторонности использования материалов дела, логичности изложения, аргументированности выводов. Если в исследовательской части акта экспертизы неполно или нечетко изложены ход и результаты проведенного исследования, не аргументированы выводы либо отсутствует логическая связь между исследовательской частью и выводами, то это должно вызвать критическую оценку заключения, породить сомнения в его достоверности.

Важным моментом оценки заключения эксперта является установление его научной обоснованности. Следователь должен выяснить, какие данные психологической науки и методы исследования испытуемого были использованы экспертом в процессе проведения экспертизы.

Для того чтобы правильно оценить заключение эксперта-психолога с точки зрения научной обоснованности, следователь должен знать научные методы, применяемые при производстве судебно-психологической экспертизы аффекта. Речь не идет о том, чтобы в специальных вопросах уровень знаний следователей равнялся уровню знаний экспертов. Однако каждый следователь, встречаясь с заключением судебно-психологической экспертизы, должен уметь разобраться в сущности проведенного экспертом исследования.

При неясности отдельных положений заключения, возникновении сомнения в научной обоснованности выводов экспертизы следует допросить эксперта. В ходе допроса имеется возможность подробнее уяснить сущность использованных методов исследования, выяснить, в каких научных трудах разработаны использованные экспертом методики, почему выбраны именно данные методики или их модификации и в чем их пре-

¹ Подробнее см.: Бородин С. В., Палиашвили А. Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы (по материалам Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР).—М., 1963.—С. 75—158.

имущество в данном случае по сравнению с другими методиками (модификациями).

Далее, при оценке заключения эксперта должно быть проведено сопоставление заключения со всеми материалами дела. Необходимо сопоставить значение экспертизы как доказательства с другими доказательствами и проверить их взаимную согласованность. Все собранные доказательства должны в совокупности однозначно объяснять искомый факт — эмоциональное состояние обвиняемого в момент совершения инкриминируемого ему деяния.

Результаты оценки заключения эксперта-психолога необходимо отразить в обвинительном заключении. Именно в этом документе следователь выражает свое отношение к данным, содержащимся в заключении эксперта. При этом в обвинительном заключении нельзя ограничиться только упоминанием выводов эксперта. Следует привести и ряд тех аргументов, которыми он обосновывает свои выводы об эмоциональном состоянии обвиняемого.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Глава I. Вопросы квалификации	4
Глава II. Методика доказывания аффекта	18
§ 1. Процессуальные основы доказывания аффекта	18
§ 2. Значение данных о действиях обвиняемого в ситуации совершения преступления и после него для установления аффекта	25
§ 3. Значение психологических индикаторов аффективного состояния для установления аффекта	29
§ 4. Значение личностных, индивидуально-психологических, соматических особенностей и временных психофизиологических состояний обвиняемого для установления аффекта	37
§ 5. Участие психолога в процессе доказывания аффекта	52
Психолог в процессуальной роли специалиста	52
Судебно-психологическая экспертиза как средство доказывания аффекта	56

(Подпись к квалификации и доказыванию)

Удобное решение

Редактор Н. Н. Татарская
Корректор Т. Н. Кома

Институт усовершенствования следственных работников
при Прокуратуре СССР
191104, Ленинград, Гатчинский пр., 44
Заказ 9616, 11-ая 41 а
Печатно-полиграфический отдел
Печатно-полиграфический отдел
Ленинградская типография № 1
Ленинградская типография № 1

Тираж 100 экз.